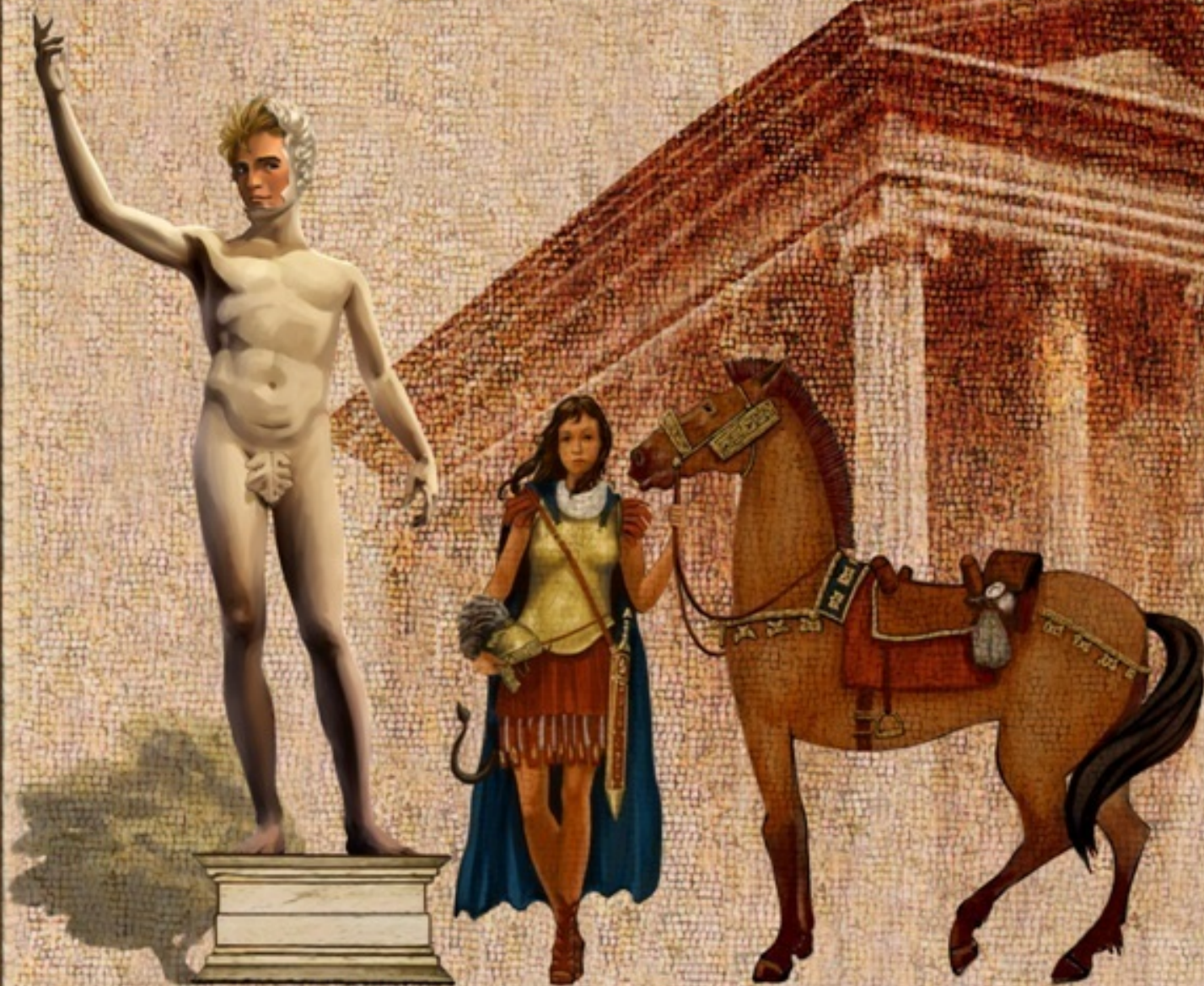

АНАТОЛИЙ
ДРОЗДОВ

С·А·М·Е·Ц
ВЗЪЕРОШЕННЫЙ

Идеальное лекарство

Анатолий Дроздов

Самец взъерошенный

«1С-Паблишинг»

2021

Дроздов А. Ф.

Самец взъерошенный / А. Ф. Дроздов — «1С-Паблишинг»,
2021 — (Идеальное лекарство)

Анатолий Фёдорович Дроздов – известный писатель-фантаст. Он работает в разных жанрах, но чаще всего использует приём попадания нашего современника в иной мир или другую историческую эпоху.

Представляем первую книгу дилогии «Идеальное лекарство» – роман «Самец взъерошенный». Главный герой Игорь Овсянников, молодой перспективный врач, отправляется в командировку в Турцию, но вместо этого оказывается в параллельном мире, населённом людьми-кошками. Шокирующую ситуацию усугубляет то, что здесь царит матриархат. Участь героя – быть рабом, удовлетворяющим малейшие прихоти здешних хозяек жизни. К такой участи половец не готов и выбирает борьбу. Чем она увенчается, узнаете из книги.

© Дроздов А. Ф., 2021

© 1С-Паблишинг, 2021

Содержание

1	5
2	15
3	22
4	29
5	38
6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анатолий Дроздов

Самец взъерошенный

1

Объявление было необычным.

«Для работы в сфере обслуживания за рубежом требуются мужчины в возрасте от 18 до 30 лет, с идеальным здоровьем, приятной наружности, без вредных привычек. Образование значения не имеет, знание языков не обязательно. Долгосрочный контракт. Зарплата – от 3000 долларов в месяц. Питание и проживание – за счет работодателя». Ниже следовал телефон. Более не было ничего: ни адреса, ни названия фирмы.

Игорь хмыкнул, отложил газету и включил ноутбук. Тщательный серфинг по интернету результата не дал: ничего похожего в сети не наблюдалось. Объявление напечатали только в областной газете. Таинственный работодатель не искал популярности, что выглядело странно. Три тысячи долларов в месяц! И где? В провинции, где за вдвое меньшую зарплату на руках носить станут?

Тем не менее, объявление цепляло. Займись таинственный работодатель поиском женщин, Игорь уловил бы подвох. Кому требуются за рубежом дамы приятной наружности и без образования, козе понятно. Но мужиков в бордели не продают – по крайней мере, о таком он не слышал. Ищут доноров органов? Тогда почему только мужчин да еще приятной наружности? Какая реципиенту разница, чью почку ему пересадят, мужскую или женскую, и какая у донора наружность? «Скорее всего, это развод: наобещают ворох приятностей, после чего потребуют плату за трудоустройство. Получив денежки, слинянут, – думал Игорь. – Но тогда к чему ограничения по здоровью и вредным привычкам? Разводить, так всех подряд. Не сходитесь...»

Игорь почесал в затылке и взял сотовый. Если это жулики, он поймет. Опыт имелся.

– Слушаю, – прозвучало в наушнике. Голос был женский и усталый.

– Я по объявлению! – сообщил Игорь, поздоровавшись.

– Текст внимательно читали? – спросила женщина.

– С лупой! – заверил Игорь. – Хотел еще на вкус попробовать, но не рискнул. Кто знает, чего вы в краску плеснули?

В наушнике хмыкнули.

– Приятно иметь дело с нормальным человеком, – сказала невидимая собеседница. – А то звонят дебилы... Я о здоровье. Если пьете и курите, то не тратьте понапрасну мое и свое время. Заверну с порога.

– Я вообще-то мастер спорта, – сказал Игорь.

– А то спортсмены – сплошь трезвенники! – вздохнула женщина. – Особенно бывшие.

– В рот не беру! – заверил Игорь. – День начинаю с пробежки, затем часовой комплекс упражнений. Ежедневно.

– Серьезно? – заинтересовалась женщина.

– Как на духу!

– А внешность? – спросила женщина.

– Машков с Безруковым курят в стороне.

Собеседница засмеялась.

– Люблю веселых! – сказала секунду спустя. – Приезжайте! Предупреждаю: натошак! Предстоит сдать анализы, после чего пройти медицинский осмотр. Начинаем в девять...

– Погодите! – перебил Игорь. – Я ответил на ваши вопросы, теперь хочу спросить сам. Что за работа?

– Сфера обслуживания! – удивилась женщина. – В объявлении написано. Что-то вроде стюарда.

– Не слышал, чтоб им столько платили.

– А о подобных требованиях к претендентам слышали?

– Нет! – признался Игорь.

– То-то! – наставительно сказала собеседница.

– Почему образование не имеет значения?

– Работа простая.

– А иностранный язык? Почему не важно?

– Нет смысла требовать. Все равно не знаете.

– Я учил! – обиделся Игорь.

– Турецкий?

– Хм... – признался Игорь. – А идеальное здоровье? Чтобы блюдо подать или постель перестелить?

– Заказчик пожелал. Он платит и потому имеет право требовать. Мы всего лишь посредники.

«Ага!» – подумал Игорь.

– Сколько берете за трудоустройство? – спросил злорадно.

– Нисколько! – отозвались в наушнике. – Перелет, трансфер, питание в пути, заграничные паспорта, визы – все за наш счет. Устраивает? Приезжайте! Мы в областной больнице.

– Я живу в райцентре, – сказал Игорь. – Час – к вам, час – обратно. А рабочая смена начинается в четырнадцать. Опаздывать нельзя – больные ругаться станут. Успею?

– Думаю, да! – ответила собеседница, подумав. – Приходите к восьми тридцати. Я буду на месте. Захватите паспорт. Военный билет есть?

– Да! – ответил Игорь. – Служил.

– Берите и его. На месте заполните анкету – она короткая, и я запущу вас на осмотр. Пройдете первым.

– Идет! – согласился Игорь. – Вас как зовут?

– Ольга. А вас?

– Игорь. Приятно познакомиться.

– Мне тоже. Записывайте адрес!

Утром следующего дня Игорь трясся в маршрутке, хмуро поглядывая в окно. Старая «Газель», прыгая на ухабах, дребезжала разбитым кузовом. Стонал изношенный мотор, визжали на поворотах тормоза. Мимо проплывали стынувшие на осеннем ветру придорожные деревья. Моросил дождь. Капли, врезаясь в грязное стекло, чертили по нему косые дорожки. «И почему осень так нравилась Пушкину? – думал Игорь. – Тоска! В Турции, наверное, тепло...»

Настроение у него было под стать погоде. «Опять пустышка! – думал, ругая себя за доверчивость. – По телефону все, что угодно, наобещают. А как приедешь, станут задвигать. Образование не то, специальность не востребуемая. Заплати, и мы обучим тебя на курсах! Никому ваши курсы ни на что не упали... За три тысячи долларов в Америке пашут, не разгибаясь, а тут какому-то славянину, да еще без образования и языка...»

Думать так у Игоря были все основания. Работу он искал давно. Шерстил интернет, общался на форумах, где бедолаги вроде него делились опытом и впечатлениями, рассылал резюме... Все без результата. Врач общего профиля, выпускник провинциального медицинского вуза, прошедший интернатуру и получивший вожеленный сертификат, никому не требовался. Не в том смысле, что совсем – вакансий более чем хватало. В России. В районных поликлиниках, с такой же, как у Игоря, нищенской зарплатой. За границей требовалось подтвердить диплом. Без знания языка и денег – пустой номер. Процедура длительная, жить в это

время где-то надо, есть-пить – тоже. Английский Игорь с грехом пополам выучил, но денег не имелось совсем. Продать квартиру – единственное, что у него оставалось – он не решался. Во-первых, выручишь копейки: это не Москва и даже не областной центр. Во-вторых, вдруг за границей облом? Куда возвращаться? В чистое поле? Здесь хотя бы на голову не каплет...

В областную клинику Игорь явился минута в минуту. Подгадать время не составляло труда: знакомое место. Заходил сюда после службы в армии – на работу просился. Не взяли. Молодой врач без опыта... Как пришел, так и ушел.

Нужный кабинет располагался на первом этаже. Игорь мгновение удивленно разглядывал изысканную вывеску на дверях: «FAGG Laboratories». Крупнейшая фармацевтическая компания мира! Что делает в клинике ее представительство, ему понятно: продвигает свою продукцию. От коллег Игорь слышал: их как-то пригласили на однодневные курсы, организованные FAGG. Там сытно поили и сладко кормили в промежутках между рассказами о чудодейственных препаратах. После чего коллегам недвусмысленно предложили: за каждый рецепт, выписанный на лекарство FAGG, будут платить. Немного, но одна старушка – рубль, а десять – червонец. Коллеги на предложение повелись, за что огребли неприятностей. Старушки пожаловались на дороговизну лекарств, из Москвы приехали проверяющие. Отлично знакомые с подобными штуками, они не пожалели красок для акта. Крайними, естественно, сделали врачей – выпи-сали им по самое не могу. Про тех, кто платил медикам крохи, не упомянули...

«Понятно теперь, зачем им идеальное здоровье! – догадался Игорь. – Лекарства испытывать». Он собрался развернуться и уйти, но в последний момент передумал. Во-первых, жалко было потраченных денег и времени. Во-вторых, испытание лекарств на людях – вещь не страшная. Финальная стадия вывода препарата на рынок. Негативные воздействия устранены в ходе опытов на животных, людей пичкают под жестким медицинским контролем. Платят добровольцам хорошо. Фармацевтические компании очень даже не бедные.

Игорь толкнул дверь, но та оказалась запертой. Он бросил взгляд на часы: Ольга опаз-дывала.

– Извините! – послышалось в конце коридора. – Не успела.

Игорь повернул голову. Цокая каблучками по каменным плиткам пола, по коридору быстрым шагом шла женщина. В белом халате, молодая и очень красивая. Только когда незна-комка приблизилась, Игорь разглядел, что она не так уж и молода – лет тридцати пяти. Возраст выдавали заметные морщинки на шее. Но тело, обрисованное пригнанным по фигуре белым халатом, смотрелось весьма аппетитно – на зависть юным.

– Я Ольга! – сказала женщина, подходя. – Вы Игорь?

Он кивнул.

– Извините еще раз. Такси опоздало. Заходите!

Ольга повернула ключ в замке и распахнула перед Игорем дверь. «Наши люди в булоч-ную на такси не ездят!» – хмыкнул он про себя и вошел. Кабинет у представителя FAGG ока-зался просторным. Два стола: один с письменным прибором и ноутбуком, второй – девственно чистый. Современные легкие стулья, фирменные постеры на отделанных сайдингом стенах.

– Вы пока заполняйте анкету, а я посмотрю документы, – предложила Ольга.

Игорь вручил ей паспорт с военным билетом и присел за стол. Анкета и вправду оказалась простенькой. Даже очень. Фамилия, имя и отчество, год рождения, адрес места жительства и телефон. Еще спрашивали образование, специальность и сведения о ближайших родственни-ках. В поисках работы Игорю приходилось заполнять куда более обширные вопросники. Неко-торые фирмы интересовались даже судимостью близких: требовали указать, когда, где и за что тот получил срок. Игорь поставил в графе о родственниках «не имею» и перешел к последнему пункту.

Добрую треть листка занимал список болезней. Требовалось ответить, болел ли ими претендент, для чего название следовало подчеркнуть. Возле некоторых названий имелась

пометка: «или мои ближайшие родственники». Список болезней открывал гепатит «С», а завершала эпилепсия.

Игорь пробежал глазами перечень и обвел ручкой последний пункт: «ничем из перечисленного я и мои родственники не болели». Скосил взгляд. Ольга, положив перед собой его документы, вбивала данные в компьютер. Закончив, она щелкнула клавишей, мгновение смотрела на экран, после чего удовлетворенно хмыкнула.

– На учете в психиатрической клинике и у нарколога не состою? – предположил Игорь.

– Именно! – подтвердила Ольга. – Вы догадливы.

– Работа такая, – сказал Игорь, подходя и протягивая ей заполненную анкету.

Ольга взяла и быстро пробежала ее глазами.

– Вам нужна эта работа, Игорь Геннадьевич? – спросила, нахмурившись.

– Вообще-то да, – не стал темнить Игорь.

– Тогда в графе «образование» укажите «среднее», а в графе «специальность» что-нибудь попроще. «Разнорабочий», к примеру.

– Почему? – удивился Игорь.

– Требование офиса в Цюрихе. Они думают, что люди с дипломами чересчур амбициозны и склонны выдвигать излишние требования. Я считаю, что для России это не актуально, более того – не правильно, но моего мнения не спрашивают.

– Пойдем на подлог?

– Да! – сказала Ольга.

– Вам платят за каждого завербованного?

– Угадали! – кивнула Ольга.

– На нас будут испытывать лекарства?

– Счас! – хмыкнула Ольга. – Если вы врач, то должны знать: для каждого испытания набирают разовую группу. Добровольцам хорошо платят, желающих хватает. Тащить подопытных из России нет нужды. Как видите, я откровенна.

– Я тоже! – сказал Игорь.

– Вижу! – кивнула Ольга. – Не солгали. Приятная внешность, отменное здоровье. Если б не паспорт, даже не поверила бы, что вам двадцать восемь. От силы двадцать два. Этот румянец на щеках...

Игорь покраснел. Румянец был его бедой. Из-за него даже больные относились к нему покровительственно.

– Исправите? – спросила Ольга.

– Да! – согласился он...

В лаборатории, куда Игоря препроводили через пять минут, у него без лишних вопросов взяли анализы крови и мочи, после чего молоденькая сестричка отвела его в укромную комнатку.

– Вот! – сказала, сунув пластиковую баночку. – Для спермы.

– Чего? – изумился Игорь.

– Сперму. Для анализа, – отчетливо выговорила медсестра. – Так нужно.

«Скрытые инфекции будут искать, – догадался Игорь. – Хламидиоз и прочее. Круто! Серьезные люди».

– Приходилось сдавать? – поинтересовалась медсестра.

Игорь замотал головой.

– Рассказать, как?

– Лучше показать! – предложил Игорь. – И помочь. Ласково.

– Еще чего! – фыркнула сестра. – Сам справишься!

Она повернулась и вышла, спиной демонстрируя презрение. Впрочем, как показалось Игорю, не слишком искреннее.

Вручив сестричке, ожидавшей его за дверью, еще теплую баночку, Игорь отправился на врачебную комиссию. Там его измерили, взвесили, прослушали и простукали. Действо было знакомым. Игорь послушно приседал, наклонялся, вытягивал руки с растопыренными пальцами; с закрытыми глазами касался указательными пальцами кончика носа и подставлял колени и локти под удары докторского молоточка. В заключение его отвели на пульмоскан, где, велев прижаться к холодному стеклу, сделали снимок легких. Было начало одиннадцатого, когда Игорь с карточкой в руках спустился к Ольге.

– Замечательно! – сказала та, пробежав глазами отметки врачей. – Если анализы и снимок в норме, через неделю позвоню. Заграничный паспорт имеется?

Игорь кивнул.

– Вы редкий претендент! – вздохнула Ольга. – Не то, что эти... – Она кивнула на дверь. – Видели?

Игорь не только видел, но и обонял. В коридоре перед дверью представителя FAGG витал запах водочного перегара и дешевого табака. Лица у претендентов на высокооплачиваемую работу выглядели соответствующе. Оставалось удивляться, как их вообще пустили в больницу. «Следовало указать в объявлении «высшее образование» и «знание иностранного языка», – подумал Игорь. – «Синяки» сходу бы отсеялись. Ольга права: ее начальники в Цюрихе – идиоты. Ладно, это не моя забота...»

* * *

Позвонили ему через три недели. Игорь уже забыл о поездке, решив, что в очередной раз не повезло, и звонка не ждал. Но это была Ольга.

– Вы прошли тесты! – сказала весело. – Увольняйтесь и приезжайте! Поезд на Москву завтра.

– Не отпустят! – взмолился Олег. – Хотя бы неделю.

– Завтра или никогда! – заявила Ольга непрекаемым тоном. – Отправление в девятнадцать ноль-ноль. Опоздаете – будете и впредь лечить бабушек!

«Откуда она знает про бабушек?» – изумился Игорь и тут же сообразил, что Ольга, как представитель фармацевтической фирмы, осведомлена о работе участкового терапевта в России. Бросив взгляд на часы, Игорь выбежал из кабинета. Главврач оказалась на месте.

– Чего тебе? – спросила недовольно.

– Галина Степановна!.. – Игорь опустился на колени.

– Ты что?! – схватила она сердце. – Наркоту кому-то выписал и того подлювили? Или на фальшивом больничном попался?

Игорь закрутил головой.

– Слава Богу! – главврач перекрестилась. – Тогда что?

– Увольте меня! Сегодня.

– С ума сошел! – главврач от возмущения аж подскочила в кресле. – Да меня в области сожрут! Специалистов повсеместно не хватает, а тут расторгнуть контракт!

– Повешусь! – пообещал Игорь. – У вас под окном. – Он встал и, подойдя к окну, ткнул пальцем в старый тополь за стеклом. – Вот на этой ветке. Вас совесть замучит...

– О совести вспомнил! – возмутилась главврач. – А сам? Кто обещал работать до окончания контракта?

– Такой шанс бывает раз в жизни, – умоляющим тоном сказал Игорь.

– Куда? – вздохнула главврач.

– Турция, – признался Игорь и соврал: – Туристов лечить. Проживание и питание за их счет, плюс хорошая зарплата. Поезд в Москву завтра. Галина Степановна, умоляю! Вы ведь дружили с тетей!

– Негодяй! – сказала главврач. – Нашел, когда вспомнить! Ладно! Пиши заявление! – она бросила на стол лист бумаги. – Прямо сейчас! Не то передумаю!

Игорь не заставил себя упрашивать. Спустя минуту главврач, пробежав заявление глазами, кивнула и поставила резолюцию.

– Я вам из Турции дубленку привезу! – пообещал Игорь. – Самую красивую. В первый же отпуск. Лично выберу!

– Иди уже! – вздохнула главврач. – Дубленщик...

«Какие туристы? – спохватилась она, когда подчиненный ушел. – Сезон кончился! Врет! И в кого он такой?»

Ответ на этот вопрос Галина Степановна знала и поэтому вздохнула.

Игорь Овсянников, кандидат в гастарбайтеры

– Едва не опоздал! – заметила Ольга, встретив меня на перроне.

– Ты б еще за час предупредила! – огрызнулся я, от злости переходя на «ты».

Меня и вправду трясло. Полдня я стоял на ушах. Моя трудовая книжка иностранному работодателю ни на что не упала, но ее следовало забрать и оставить на хранение. Квартиру передать надежному человеку. Одноклассник Пашка, измученный жизнью на совместных метрах с тещей, за право жить по-человечески клятвенно пообещал платить коммуналку аккуратно. Труднее пришлось с расчетом. В бухгалтерии, прознав, зачем увольняется молодой врач, морщили носы, заявляя о невозможности так быстро начислить и выдать деньги. Я ловил на себе завистливые взгляды теток. Деньги требовались позарез: в кошельке у меня ветер свистел. В сердцах я пообещал бухгалтершам, что моя зарплата повиснет в поликлинике вечным депонентом, из года в год проверяющие будут вписывать это в акты, из-за чего бухгалтеров будут иметь часто и в извращенной форме. Угроза подействовала – деньги выдали. Довольный, я вышел из кассы и в коридоре нос к носу столкнулся с Ксенечкой. Похоже, она специально караулила. Ничего удивительного: в райцентре друг друга все знают, новости разносятся мгновенно. Кто-то не поленился позвонить.

– Уезжаешь? – спросила Ксенечка и закусила губку.

– Ага! – не стал я запираяться.

– А я?

– Ты остаешься.

– С тобой нельзя?

– Принимают только одиноких мужчин.

– Вызовешь меня, как устроишься?

– Зачем?

– Скотина! – вспыхнула Ксенечка.

– Конечно! – согласился я. – Еще какая! Это ведь я бросил тебя и ушел к кошельку на ножках.

– А что мне оставалось? Жить на твою нищенскую зарплату? Теперь я могла бы вернуться, – многозначительно пообещала она.

«Помечтай!» – подумал я и обогнул препятствие.

– Подумаешь, принц! – закричали мне вслед. – Другого найду! Лучшего!

«Флаг тебе в руки!» – мысленно пожелал я. Меня трясло. Ладно, ушла – дело житейское. Не я первый, кого невеста бросает из-за денег, и не последний, как думаю. Но зачем изображать оскорбленную невинность? Задирать нос, думая, что стоит только пожелать, как бывший возлюбленный забудет все и станет носить на руках? Пусть тебя твой боров носит! Я хоть и бедный, но бывшим в употреблении брезгую...

К себе домой я завалился за час до отправления маршрутки, злой и взмыленный. Вещи в сумку бросал, почти не глядя. Хорошо, Ольга посоветовала не проявлять фанатизма: на месте выдадут необходимое. Кроме зубной щетки с пастой, электробритвы и смены белья я прихватил только одну ценную вещь – ноутбук, приобретенный путем жесткой экономии. Ноутбук был хорошим и новым. Я не без основания полагал, что работодатель в Турции подобного девайса стюарду не выделит. На жестком диске компьютера, помимо любимых фильмов и книг, хранились семейные фотографии – память о маме и тете. И после всех этих плясок со сборами Ольга еще попрекает...

– Дай я тебе неделю, ты бы передумал! – усмехнулась она. – А так – здесь.

– Где остальные? – спросил я, успокаиваясь.

– Вон! – Ольга указала на фигуры в отдалении.

– Всего трое? – изумился я.

– Этих едва наскребла! – вздохнула она. – Измельчал мужик в России. Вот! – Ольга протянула конверт. – Это ваши билеты и паспорта. Твой, надеюсь, при тебе: билет я по ксерокопии брала. Это вам на дорогу! – За конвертом последовал тяжелый пакет с ручками. – Присмотри за ними! Совсем дети: двое даже в армии не служили. Потом поговорим! Устроюсь в купе – позвоню!

Она повернулась и пошла к вагону. Раздумывать было некогда: по громкоговорителю объявляли об отправлении поезда. Я подбежал к спутникам, и мы помчались по перрону. Вскочить в вагон успели в последний момент.

– Давайте знакомиться! – предложил я, когда компания завалилась в купе. – Меня зовут Игорь.

– Я – Леша! – выпалил худощавый, белобрысый паренек и покраснел.

– Степан! – поспешил второй, очень похожий на первого, только чернявый.

– Мы братья! – пояснил Леша. – Двойняшки. Нам недавно восемнадцать исполнилось.

«М-да!» – подумал я.

Третий из компании, широкоплечий и кряжистый парень, солидно протянул мне ладонь.

– Олег!

– Служил? – спросил я, пожимая могучую длань.

– В десанте! – подтвердил Олег. – Младший сержант.

– Значит так, мужики! – сказал я. – Делим места. Молодым – верхние полки, дедам – нижние. Правильно?

Олег одобрительно кивнул.

– Размещайтесь! – предложил я. – Я пока гляну, что нам в дорогу собрали.

Бросив под полку сумку, я раскрыл пакет и стал выгружать на стол содержимое. Очень скоро по сторонам нарисовались спутники, а я все выкладывал и выкладывал. Нарезанная ломтиками ветчина и колбаса разных сортов в вакуумной упаковке, красная рыба, сыр, какие-то салатики в баночках, хлеб, соус... В завершение на столике, заваленном едой, появились минералка и плоская бутылка со светло-коричневой жидкостью.

– Не фига себе! – прокомментировал Олег. – А это что? – он взял бутылку.

– Виски! – заметил я. Небрежный тон дался мне с трудом.

– Никогда не пробовал! – сказал Олег. – Такого! – добавил он торопливо.

Я тоже не пробовал, но сообщать об этом не стал. Лешу со Степаном и спрашивать нечего: глаза у обоих по блюдцу.

– Садитесь ужинать! – предложил я.

В пакете нашлись одноразовые стаканы, и скоро компания, опрокинув по рюмке, оживленно работала челюстями. Я жевал нехотя – от переживаний пропал аппетит, зато остальные буквально сметали закуску. Особенно налегали братья. Они забрасывали рыбу с ветчиной в рот и глотали, едва прожевав.

– В детдоме так не кормили! – смутился Степан, заметив мой взгляд.

– Сироты? – спросил я.

– Ага! – подтвердил Леша. – Нас у мамки по суду забрали. Пила много. Мы ее потом больше не видели. Писали, но она не отвечала. Квартиру нашу другим отдали, мы в общежитии жили.

– И я в общежитии! – прогудел Олег. – Как бабка померла. Дом тетка забрала, меня выгнала. Сказала, что еще неизвестно, от кого меня мамка родила – не похож на ее брата. А вступиться некому: мамки-то нет.

«Так! – подумалось мне. – Интересный расклад!»

– Ешьте! – сказал, придвигая спутникам закуску.

В этот момент зазвонил сотовый.

– Заходи! – сказала Ольга.

Купе ее оказалось двухместным, и, как я догадался, попутчиков у Ольги не намечалось. Одна из полок была сплошь завалена сумками и одеждой.

– Садись! – пригласила Ольга.

Она переоделась в халат, только не белый, а цветной. Тот, однако, обтягивал ее тело не менее привлекательно. Столик был сервирован к ужину. Среди тарелок с закуской возвышалась бутылка вина.

– Открой! – Ольга протянула штопор.

Я послушно вытащил пробку, мимоходом заметив, что вино французское и, наверное, дорогое. Вино разлил по бокалам. Именно бокалам, а не пластиковым стаканчикам, как в нашем купе. Где Ольга раздобыла посуду, оставалось только догадываться.

– За удачную командировку! – сказала Ольга, чокаясь.

Она осушила бокал до дна. Я свое вино лишь пригубил.

– Ты чего? – удивилась Ольга.

– Не пью! – пожал я плечами.

– Не надо! – погрозила она пальцем. – Отбор закончен, таиться нечего. Знаю я, как вы не пьете! – и хмыкнула.

– С ребятами посидели! – поспешил я. – Больше не хочется.

– Зря! – покачала она головой. – Я же сказала, что приглашу. Значит, будешь смотреть, как я ем. Вот!

Она хихикнула и набросилась на еду. Я заметил, что закуска у нее была подороже, чем переданная для нас: лосось, палтус и ломтики темно-коричневой бастурмы.

– Не стесняйся! – пригласила Ольга.

Я пожевал из вежливости пряный, твердый ломтик вяленого мяса, бросил в рот сочащий жиром кусочек палтуса и запил это глотком вина. Оно оказалось терпким, но приятным. А вот Ольга ела жадно, постоянно прихлебывая из бокала: я едва успевал его наполнять. Она допила все, сдвинула тарелки к окну и достала из сумочки сигареты.

– Ты чего? – изумился я.

– Ерунда! – махнула она рукой. – За все заплачено. Вентиляция вытянет.

Ольга оказалась права. Заглянувшая вскоре проводница сделала вид, что не чувствует запаха дыма. Она прибрала пустые тарелки и принесла кофе. В чашках!

– Почему все отобранные – сироты? – спросил я, когда Ольга осушила свою.

– Заподозрил, значит? – хмыкнула та. – Не зря в Цюрихе про образование предупреждали. Везут вас, бедненьких, на органы разбирать!

Она захохотала. Я нахмурился.

– Не бойся! – сказала она, отсмеявшись. – Пальцем не тронут. Пылинки с вас будут сдувать. Такая работа для мужика – счастье! Мечта. А что до сирот, так все просто. Я отобрала девять человек. Пятерых родственники не отпустили.

– Почему?

– Контракт на пять лет. Без отпусков и длительных выходных.

– Правда?

– Ты же не читал! – всплеснула она руками. – Совсем забыла!

Ольга полезла в сумочку и выложила на столик листки в прозрачном файле. Я извлек их и углубился в чтение.

Контракт был коротким – всего на двух страничках. Каждый пункт на русском языке был продублирован по-английски. Работник обязывался исполнять порученные ему обязанности аккуратно и добросовестно, работодатель гарантировал выплату зарплаты и надлежащее содержание. За рабочим днем следовал день отдыха, а вот отпусков и в самом деле не предусматривалось. Я внимательно перечитал английский текст – тот полностью соответствовал русскому. Насторожили меня два пункта. В одном FAGG оставляла за собой право переуступить контракт другому нанимателю, при этом последний должен соблюдать все прописанные условия. Подумав, я решил, что это не страшно: Ольга предупреждала, что их фирма – посредник. А вот форма оплаты...

– Почему золото?

– Что в этом плохого? – хмыкнула Ольга. – Любая валюта девальвируется, а вот золото всегда в цене. Сколько тебе полагается за пятнадцать рабочих дней?

– 98 граммов.

– Сколько это в долларах, знаешь? Или подсказать?

Я задумался. В ценах на драгоценные металлы я ориентировался плохо, но о стоимости тройской унции золота по ящику талдычили постоянно. Свыше тысячи долларов, однозначно. В унции тридцать с небольшим граммов. Выходит...

– Ну что? – спросила Ольга. – Сообразил? Это больше, чем обещали. Устраивает?

Я взял предложенную ручку и подписал оба экземпляра. Пять лет без отпуска – это, конечно, стремно, но на месте будет видно. Главное, освоиться, оглядеться, обзавестись деньгами. А там... Диплом и сертификат врача у нас в сумке, а уволиться за границей проще простого. Собрался и ушел.

– То-то! – сказала Ольга, пряча контракт. – Хотела спросить: ты и вправду мастер спорта?

– Ага! – подтвердил я. – По гимнастике.

– Так-то гляжу: маленький...

Я не люблю, когда мне говорят о росте. Не такой я и маленький: 167 сантиметров! Даже с половиной...

– Покажись! – попросила Ольга. – Разденься!

Я пожал плечами и стащил джемпер, следом – рубашку.

– Ух, ты!

Ольга встала и тронула ладонью грудную мышцу. Я усмехнулся и согнул в локтях руки, демонстрируя бицепсы. Она их немедленно ощупала. После чего ткнула пальцем в рельефные мышцы живота.

– Уважаю таких мужиков! – сказала, почему-то тяжело дыша. – Не пьет, не курит, спортом занимается. Не то, что нынешние. Я за собой тоже смотрю. Гляди!

Она распахнула халат. Под ним ничего не оказалось, даже трусиков. Две груди, тяжелые, но не отвислые, колыхнулись, задорно уставившись на меня розовыми сосками. Я невольно сглотнул.

– Потрогай! – шепнула Ольга. – Это настоящее! Никакого силикона!

Я, понимая, что дальше произойдет, положил ладони на груди. Бережно стал их ласкать. Она закрыла глаза и задышала – часто и порывисто. Затем вдруг отбросила мои руки и впиалась мне в губы. Ее язык скользнул мне в рот и заелозил там, скользя вдоль десен. Поцелуй вышел долгим. Наконец, Ольга простонала и отстранилась.

– Давай! – велела лихорадочно. – Быстрее!..

– Ты молодец! – сказала она, когда мы уgomонились. – В постели о женщине думаешь. И вообще... Встретить такого в каком-то Задрищенске! Симпатичный, умница, да еще порядочный...

– С чего ты взяла? – удивился я.

– Навела справки. Влезла на твою страничку в социальных сетях, – она хихикнула. – Прямо удивительно! Ни флирта, ни ругани, ни скабресных шуточек. Не мужчина, а мечта! Как тебя до сих пор не подцепили?

– Не подцепился, – буркнул я.

– Ты не прост, – согласилась Ольга. – Я заметила. Может, тебя не отдавать? Оставить себе?

– А контракт?

– Порвать и выбросить! – хмыкнула Ольга. – Везла четверых, один передумал дорогой. Всего-то делов! А?

Я не ответил.

– Не оставлю! – решила Ольга. – Сбежишь! Зачем мне колобок? От других ушел и от меня укачешься. Ладно, устала. День был тяжелый. Давай еще разок и будем спать...

Когда я вернулся к ребятам, братья-двойняшки посапывали на верхних полках. Олег сидел на расстеленной постели. Голова его качалась в такт движениям вагона.

– Что так долго? – спросил, увидев меня. Язык у бывшего десантника ворочался тяжело. – Не дождались! – он указал на пустую бутылку. – Самогон, конечно, но вкусный.

– Не важно! – махнул я рукой и стал застилать постель.

– Я вот думаю, – продолжил Олег. – Какую машину сначала купить? Подержанную, или подсобрать денег – и новую?

– Подержанную! – посоветовал я. – Чтоб не жалко разбить. Ты, наверное, водить не умеешь?

– Я?! – обиделся Олег. – Да я в армии рулил всем, что движется!.. Два года по контракту! Потом надоело. Платят копейки, а имеют во все дырки.

– Это точно! – согласился я, вытягиваясь на полке.

– Значит, новую?

– Ага! – сказал я, зевая.

– «Биммер» или «мерседес»? Как думаешь?

«Один хрен!» – хотел сказать я, но не успел. Уснул.

2

Вопли гонца умолкли к закату. Тарготао жевала конину, отбитую под седлом на спине лошади, когда крики, перемежаемые стонами, вдруг резко оборвались.

«Ага! – поняла Тарготао. – Рябая Шпако все же добилась ответа».

В подтверждение мысли явилась Шпако, потная и усталая. Ее испещренное рытвинами лицо сияло. Склонившись перед предводительницей, Шпако замерла, ожидая приглашения сесть. Тарготао помедлила. Видеть могучую сарму, униженно ожидающую ее повеления, было приятно.

– Садись! – смиловилась, наконец, Тарготао.

Палач села и поджала ноги. Взгляд ее выражал преданность.

– Заговорила? – спросила Тарготао.

– Да, великая! – поспешила Шпако. – Рассказала все, – она ухмыльнулась.

– Все ли?

– Можешь верить мне, великая! – насупилась палач.

– Говори! – велела Тарготао.

– Мушей ждут завтра. Их будет четверо.

– Мало! – нахмурилась Тарготао.

– Так сказала гонец. У нее не было причины скрывать правду.

– Хорошо! – кивнула Тарготао. Четверо – это плохо, но лучше, чем ничего. – А конвойная ала?

– Запаздывает, – ухмыльнулась Шпако. – В бурге¹ тревожатся. Гонца как раз выслали, чтобы поторопить.

Тарготао едва сдержала крик радости. Получилось! Сотня, направленная навстречу рома, сумела тех задержать. Наверняка ала, завидев противника, вместо того, чтобы ударить сходу, спешила и загородилась щитами. Трусливые рома всегда так делают – берегут воинов. Лишь выждав, когда у противника кончатся стрелы, садятся в седла. Только сармы к тому времени уже далеко. Преследовать их – зря тратить время. Каждое нападение степняков отбирает у рома полдня пути. Пока вернутся разведчики, высланные проверить, далеко ли ушел противник, пока ала выстроится в походную колонну...

– Держи! – Тарготао швырнула Шпако мягкий, пахнувший конским потом кус мяса. – Заслужила!

Та схватила и, жадно урча, набросилась на еду. «И в самом деле собака²!» – подумала Тарготао, встала и направилась к шатру. Вскоре оттуда полетели быстроногие посыльные. Сотницы прискакали быстро. О перехваченном гонце они знали и ждали вызова.

– Завтра на рассвете! – объявила Тарготао. – Начнем затемно. Часовые будут дремать.

Сотницы обрадованно загомонили. Долгое ожидание утомило орду. Кони съели траву на полдня пути от стоянки, торока с овсом опустели. А в бурге зерна много – рома запасливы.

– Снимаемся! – велела Тарготао. – Нельзя опоздать. Идти тихо, копыта коней обернуть шкурами. Тем, кто насторожит часовых, сломают спину. Остановимся в пяти полетах стрелы от стен, дальше – пешком...

---

¹ Бург – крепость.

² Шпако на языке сарм означает «собака».

* * *

Стражница мотнула головой, отгоняя сон, и прислушалась. Ей показалось, или вправду раздался странный свист? Кому здесь быть? Сармы не подступают к крепости затемно: топот коней по ночам слышен издали. Они подлетают днем, засыпают стены стрелами, после чего сразу отскакивают. Иначе скорпионы, установленные в башнях, начинают метать дротики, пробивающие даже железный доспех, к скорпионам подключаются онагры, бросающие через стены тяжелые камни. Те проделывают в рядах сарм целые бреши. Воя от бессилия, кочевники отступают. А если в стенах бурга квартирует ала, та немедленно вылетает через ворота и врубается в ряды степняков, сея смерть жалами дротиков и клинками остро отточенных спат.

Звук повторился. Часовая прищурилась. Светильник, плававший на стене, слепил глаза. Центурион приказала выставить его и поддерживать огонь, дабы ала, спешащая к бургу, не заплутала в ночи. Гонец, ускакавший вчера, везла але приказ: спешить, невзирая на время суток. Об одном только не подумала центурион: огонь на стене лишает часовых зоркости. Глаза, ослепленные ярким пламенем, не видят в ночи.

Часовая отошла от светильника и выглянула между зубцов. Она не подумала, что вот так, на фоне пылающего светильника, представляет собой отличную мишень. Ее просчетом немедленно воспользовались. Стрела, прилетевшая из темноты, пробила воину горло. Она захрипела и упала на дорожку. Звякнула лорика, соприкоснувшись с камнем, затем прозвенел соскочивший с головы убитой шлем, но эти звуки уже никого не встревожили. Взорвавшись по наброшенным на зубцы арканам, внутрь прыгали сармы. Часовых в башнях вырезали вмиг. Вскоре закрипели, открываясь, ворота, и внутрь бурга, вопя и размахивая топориками, ворвалась орда. К тому времени, когда солнце показалось из-за гряды холмов, все было кончено. В живых из защитников крепости не осталось никого.

Тарготао въехала в бург с первыми лучами. Хищно раздувая ноздри, оглядела заваленный телами двор, распахнутые двери складов, откуда воины тащили, просыпая и расплескивая, сосуды с зерном и вином, усмехнулась, видя, как обдирают доспехи с убитых рома. После чего жестом подозвала ближайшую сотницу.

– Убрать! – велела, указывая на трупы. – Двор подмести, двери закрыть. Воинов спрятать!

– Зачем, о, великая? – удивилась сотница.

– Затем, что явятся муши! – рявкнула Тарготао. – Увидят – и убегут обратно. Нам нужны они или зерно?

«Зерно – тоже!» – хотела сказать сотница, но, наткнувшись на бешеный взгляд желтых глаз, униженно склонилась. Спустя короткое время двор и стены бурга были очищены от трупов и мусора. И это дало плоды. План Торгатао сработал. Солнце еще карабкалось к башням бурга, когда орда уже скакала прочь. Грузенные добычей кони шли медленно. Мешки с зерном, сосудами вина и уксуса висели по сторонам потных круп. Поперек спин четырех лошадей лежал самый ценный груз. Ремни, пропущенные под животами коней, крепко схватывали мушей по рукам и ногам. Под животы пришлых подложены мешки с шерстью. Если этого не сделать – муши заболеют и умрут. После дневки мушей пересадят на крупы, привяжут к всадникам. Сейчас опасно: станут вырываться и упадут вместе сармой на землю. Сломают шеи... Пусть пока привыкают, что стали пленниками. Полдня с мешком на голове этому очень способствует.

К полудню кони устали, и Торгатао объявила привал. Воин из личной охраны поднесла ей кусок конины, отбитый седлом. Предводительница отхватила зубами кусок и прожевала, морщась от удовольствия. После чего велела позвать старшую сотницу. Та явилась почти сразу.

– Поведешь орду! – велела Тарготао.

– А ты, о великая? – удивилась сотница.

– Возьму десяток воинов, мушей и пойду другим путем.

– Это опасно, великая!

– Нисколько! – усмехнулась предводительница. – Рома двинутся за большой ордой. Им не интересен след десятка коней. В погоне за большой добычей пренебрегают малой. Я хочу доставить мушей в Балгас живыми. Если рома окружают орду, их придется убить.

– Ты мудра, о великая! – склонилась сотница.

«Знаю!» – хотела сказать Таргатао, но сдержалась. Сотница не догадалась спросить, что случится с ордой, когда ту настигнет ала. Что ж... Пусть беспокоится о предводительнице, а не о себе самой. Таргатао нужно вернуться живой. В Балгасе недовольны ее самовольством. Она увела орду к бургу ромов, не слушая возражений Великой Матери. Та разозлится. Особенно, когда из пятисот воинов орды вернется от силы сотня. Однако четверо молодых и здоровых мушей заставят умолкнуть даже жрицу. Еще никто из сарм не брал у рома такую добычу. Таргатао подымут на щите! Ее объявят лучшей воительницей степи. Многие роды попросятся под ее руку. Степь любит удачливых...

Маленький отряд двинулся в путь, когда под копытами ушедшей орды еще не осела пыль. Скакали недолго. У ручейка, бегущего от недалеких гор, Таргатао велела остановиться. Ей не терпелось насладиться добычей. Зря, что ли, она вынашивала замысел и так блестяще его осуществила? К тому же у нее Дни...

По ее знаку воины стащили с лошадей мушей, сорвали мешки с их голов. На ярком солнце муши прищурили глаза. Ноги держали их плохо. Оно и понятно. От долгого пребывания в одном положении связанные конечности затекли и набухли кровью. По знаку предводительницы воины развязали пленников. Опасаться нечего – муши не воины. Убежать не смогут: куда деться в открытой степи от конной сармы? Пленники растирали кисти и переминались с ноги на ногу. Таргатао велела их напоить. Муши пили жадно, проливая воду на туники. Сразу видно: не степняки. Те приучены беречь каждую каплю.

Таргатао наблюдала, выбирая. Двух щуплых она забраковала сразу. Ее будущая дочь должны быть сильной. Третий муш был высок и широкоплеч. Таргатао собралась остановить выбор на нем, но тут последний из пленников опустил чашу. Таргатао едва не вскрикнула. В буре, торопясь уйти, она не разглядела добычу. Зря. Боги послали ей дивного муша! Пленник светловолос и голубоглаз, а румянец на его щеках говорил об отменном здоровье.

По знаку Таргатао воины сорвали с муша тунику – голубоглазый и глазом моргнуть не успел.

– Тца-ца-ца! – застонала Таргатао.

У муша оказалось прекрасное тело. Широкие плечи, узкая талия, стройные ноги, бугры мышц на руках и груди. Невысок, но силен. Какие дети будут от такого красавца! Вся степь обзавидуется. Таргатао провозгласят главой родов! Завистникам придется умокнуть: их косоглазые ублюдки не сравнятся с ее детьми. Она не повезет этого пленника в Балгас, ни за что не повезет! Спрячет в орде. Будет рожать от него сама. И лучше зарежет, чем отдаст.

Таргатао повелительно указала на землю. Подскочившая Шпако расстелила на траве войлок. Воины подвели голубоглазого и знаками приказали ложиться. Муш попробовал упереться, и Шпако двинула его кулаком в живот. Муш охнул и согнулся.

– Не смей! – прорычала Таргатао. Этой собаке только дай волю – искалечит любого. Таргатао нужен здоровый муш, а не калека. Она пнула Шпако в зад и оттолкнула в сторону.

– Не бойся! – сказала пленнику, стараясь придать голосу мягкость. – Тебе понравится.

Муш что-то ответил, Таргатао не поняла, но оскалилась и указала на войлок. Муш затравленно оглянулся и сел. Таргатао, нажав на его плечо, опрокинула голубоглазого на спину и, присев, стащила с него набедренную повязку. От открывшего зрелища у нее стало влажно в промежности. Таргатао торопливо расстегнула пояс с оружием, сбросила сапоги и стянула кожаные штаны. Рубаху с нашитыми на ней железными пластинками снимать не стала – неза-

чем. Придет время, и она насладится всем телом муша, но сейчас достаточно короткого соития. Тот уймет горящий в ее чреслах огонь и покажет воинам, кому принадлежит этот самец.

На вид ее обнаженного тела муш не откликнулся. Таргатао удивилась. Самцы в орде истекали соком, как только видели ее без штанов. Правда, самцов у нее всего двое, и они не сумели подарить ей ребенка. Голубоглазый сможет! Надо ему помочь. Таргатао знает, как.

Она склонилась над мушем, но тот вдруг завопил и попытался вскочить. Подскочившая Шпако прижала голубоглазого к земле. Ей явно хотелось заслужить прощение.

– Отпусти! – велела Таргатао.

Шпако отскочила. Таргатао потянулась к поясу, лежавшему на земле, и вытащила из ножен кинжал.

– Смотри! – сказала мушу, приблизив лезвие к его глазам. – Будешь кричать – отрежу язык. Мне он не нужен. Веди себя смирно, и не пожалеешь.

Муш умолк и уставился ей за спину. Взгляд его выражал удивление и испуг. Таргатао усмехнулась и воткнула кинжал в землю – только протянуть руку и взять. После чего склонилась над промежностью самца.

Его рывок ногой стал неожиданным. Колено муша врезалось предводительнице в подбородок. Зубы Таргатао щелкнули, после чего пришла темнота...

* * *

Игорь пришел в себя от тряски. Он лежал животом на чем-то мягком, и это мягкое тряслось и двигалось. Он открыл глаза. Темно. Вернее, сумрачно. Игорь словно смотрел через плотную ткань. Спустя мгновение он догадался, что это ткань и есть. На голову ему надели мешок. Плетение ниток рогожи – грубое, сквозь отверстия просматривалось частое мелькание. Его везут. Куда, кто?

Игорь подвигал руками и ногами. Те оказались связанными. Стоило попытаться поднять руки, как тянуло вниз ноги, и наоборот. «Я лежу животом на спине лошади, – догадался Игорь, – руки привязаны к ногам ремнем, пропущенным под ее животом. Хреново!»

Его слегка мутило, саднил ушибленный затылок, но он усилием воли заставил себя об этом забыть. Не время. Нужно вспомнить, что произошло, и определиться, как быть дальше.

...В поезде они проснулись поздно: сказалось выпитое вечером виски, а у кого-то – и бурный секс. Позавтракали остатками купленной Ольгой снеди, запили ее чаем. В одиннадцать позвонила Ольга, спросила, все ли в порядке. Голос у нее был сонным – видать, дрыхла без задних ног. Игорь заверил, что лучше не бывает, Ольга сообщила, что поезд прибывает через полтора часа, следует быть готовыми, и отключилась.

Москва встретила их мокрым снегом. Ольга завела компанию в привокзальную забегаловку, накормила шаурмой, а сама, как заметил Игорь, есть ее не стала – ограничилась булочкой с кофе. Затем они загрузились в такси – все пятеро. Ольга, естественно, уселась рядом с водителем, мужчины полезли на задние сиденья. Места, впрочем, хватало: Ольга заказала микроавтобус. Из-за пробок они добрались в аэропорт к шестнадцати: по громкой связи уже объявляли посадку на Анкару. Ольга взяла у них паспорта, куда-то сбегала и вернулась с билетами.

– Вот! – сказала, вручая их Игорю. – Веди ребят! Там встретят.

– Как я их узнаю? – спросил он.

– По своей фамилии. Я сказала, что ты старший.

Она проводила их к паспортному контролю, на прощание на миг прижалась к Игорю щекой.

– Спасибо! Не поминай лихом!

Когда Игорь, пройдя контроль, оглянулся, ее уже не было...

Что было дальше? В самолете их снова накормили. Мест в салоне хватало – не сезон, и братья-двойняшки весь перелет просидели у иллюминаторов – они летели впервые в жизни. Олег снисходительно поглядывал, но и сам от иллюминатора почти не отрывался. Игорю он признался, что за границу едет впервые. Сам Игорь в полете размышлял. В Турцию они отправились туристами. Чтобы работать в этой стране, нужна специальная виза, но ее даже не подумали открыть. Почему? Перед поездкой Игорь пробил информацию и выяснил: российский турист может находиться в Турции не более 90 дней. Если планирует остаться, следует обратиться в соответствующее ведомство и попросить разрешение. В принципе, так можно поступить, но почему не сделать сразу?

В аэропорту их встретил хмурый турок лет сорока. В руках он держал табличку с надписью «Mr. Ofsjanykoff». Игорь не сразу узнал изуродованную латиницей фамилию, но, разглядев, подошел к турку. Тот повел компанию к микроавтобусу. Потом они долго ехали. Хмурый турок оказался водителем, кроме них четверых, других пассажиров не было. За окнами быстро стемнело, и все уснули. В течение поездки Игорь несколько раз просыпался, пытался что-то рассмотреть в окне – напрасно. Через лобовое стекло в свете фар виднелась дорога, она петляла, сбоку появлялись скалы; как понял Игорь, они ехали в горы. Значит, работать будут не на морском побережье...

С рассветом они вкатили в небольшой город. Микроавтобус, попетляв по узким улицам, выехал на площадь и остановился перед воротами двухэтажного особняка, прилипшего к горному склону. Выглядели ворота солидно: стальные, высокие. На правом столбе прикреплена телекамера, сканирующая подходы. Водитель просигналил, створки ворот поползли в стороны, и микроавтобус въехал во двор.

Особняк за оградой походил на крепость: узкие, похожие на бойницы окна, стальная дверь, замаскированная под деревянную. Гостей провели внутрь. В просторном холле их встретил пузатый, лысый господин.

– Мне сказали, один из вас говорит по-английски? – спросил он, едва гости поставили сумки.

– Я! – отозвался Игорь.

– О'кей! – заулыбался пузатый. – Значит, обойдемся без переводчика. Добро пожаловать! Сейчас мы пройдем в комнату, где я все объясню и покажу...

– Кофе будет? – перебил Игорь.

Толстяк ему не понравился. А еще больше – то, что по обоим его бокам застыли дюжие охранники. Их пояса оттягивали тяжелые пистолеты в открытых кобурах, дубинки и еще какая-то хрень в кожаных чехлах.

– Кофе? – задумался толстяк. – Пожалуй! – он обернулся к одному из охранников: – Керим! Принеси!

Охранник скривился, но ушел. Спустя короткое время явился с подносом, на котором стояли четыре бумажных стаканчика. Игорь, ожидавший настоящего турецкого кофе, был разочарован: охранник воспользовался кофейным автоматом. Они выпили коричневой бурды, которая вдобавок оказалась без сахара, и прошли за толстяком.

– Раздевайтесь! – сказал толстяк, проводя их в просторную комнату. – Снимайте с себя все, вплоть до белья. Переоденьтесь в это! – он указал на разложенную на лавке одежду. – Здесь все по вашим размерам. На каждом комплекте – табличка с именем. Не перепутайте!

Игорь присмотрелся. На стопках с одеждой и вправду лежали бумажки с именами. «Mr. Ofsjanykoff», «Mr. Smyrnoff», «Mr. A. Shymko» и «Mr. S. Shymko».

– Как это надевать? – удивился Игорь, поднимая наряд.

– Объясняю! – подскочил толстяк. – Там, где будете работать, все устроено под античность. Ваш наряд должен соответствовать эпохе – до каждой детали. Поэтому набедренная

повязка вместо трусов, туника вместо верхней одежды, плюс кожаный пояс и сандалии. Я помогу вам облачиться!

На переодевание ушло время. Если с набедренными повязками и туниками как-то разобрались, то с сандалиями пришлось помучиться. Они представляли собой кожаную подметку, крепившуюся к ноге ремешками. В ремешках все и запутались, особенно двойняшки. Как заметил Игорь, к нарядам работодатель отнесся серьезно. Одежда выглядела аутентичной эрохе: ткань соткана не на фабрике, швы сметаны вручную. Это обстоятельство несколько успокоило тревогу, появившуюся, как только они зашли в особняк. Для того, чтобы пустить людей на органы, заморачиваться с одеждой не станут.

Переодевшись, парни с улыбкой оглядели друг друга. Выглядели все забавно.

– Как бабское платье! – заметил Олег, одергивая на себе тунику. – Во, блин, попали!

Братья Шимко захихикали. Игорь, к своему удивлению, ощущал себя вполне комфортно. Туника не жмет и не давит, да и телу приятно. Он прошелся – замечательно! Стал укладывать в сумку снятую одежду, как вдруг заметил, что один из охранников, уже знакомый ему Керим, с интересом поглядывает на его ноутбук. Взгляд у охранника был нехороший, оценивающий. Игорь нахмурился.

– А наши вещи? – спросил толстяка.

– Не волнуйтесь, все будет в сохранности! – заверил тот. – Ничего не пропадет. Вот шкаф. Сложите вещи на полки и закройте на ключ. Его вы заберете с собой.

Толстяк подвел Игоря к металлическому шкафчику, окрашенному в светло-серый цвет. В замочной скважине двери торчал ключ. Игорь повернул его. Шесть полок, довольно вместительных – места достаточно. Они с парнями перебросили вещи в шкаф. Игорь запер дверь и зажал в кулаке ключ. Положить некуда – в тунике карманов нет.

– Через сутки вернетесь и переоденетесь, – сообщил турок. – Жить будете здесь, в доме хватает свободных комнат. Выход в город свободный. Освойтесь, ознакомьтесь с турецкой кухней, – толстяк осклабился. – Готовы? Идем!

Шагнув в боковую дверь, они оказались в пещерном гроте. Тот оказался высоким, но узким. Скоро грот повернул, россияне, толстяк и два охранника встали у перегородившей дорогу решетки. Керим позвенел ключами и уперся плечом. Решетка покатила по стальной рельсе, уложенной на полу.

«Ни фиги себе! – подумал Игорь, оценив толщину и крепость стальных прутьев. – Это от кого они так загородились?»

– Вам туда! – указал толстяк.

Гости застыли в недоумении. Шагах в десяти перед ними стояла плотная завеса. Сотканная из тумана опалово-молочного цвета, она переливалась и трепетала.

– Что это? – изумился Игорь.

– Не волнуйтесь! – улыбнулся толстяк. – Это не опасно. Керим! Покажи!

Охранник протопал вперед, шагнул в завесу, скрылся за ней и почти сразу явился обратно. Толстяк что-то спросил у него по-турецки, Керим ответил и пожал плечами. Толстяк недовольно буркнул, Керим ответил, и с минуту они препирались.

Если б Игорь знал турецкий язык, то насторожился бы. Ибо толстяк спросил у охранника:

– Почему так скоро? Уже ждут?

– Там никого нет.

– Следовало позвать! Нарушаешь правила.

– А что может случиться? Крепость все же.

– Правила не отменяли. Получим претензию – потеряешь работу.

– А кто пожалуется? Мы их больше не увидим.

– Торопишься разделить вещи? Я видел, как ты смотрел на ноутбук!

– Сыну обещал подарить. Дорого стоит. А тут сами привезли. Давайте выпроводим их быстрее, эфенди!

Толстяк повернулся к гостям:

– Идите! Там вас встретят и накормят, затем отвезут к месту работы.

Игорю не понравился этот диалог, и он остановил шагнувшего к завесе Олега.

– Я – первый! Если там все нормально, позову. Ждите!

Он скрылся за маревом. Толстяк подскочил к оставшейся троице.

– Гоу! Гоу!

Он тыкал пальцем в завесу.

– Нам сказали ждать! – возразил Леша.

– Отвали! – сказал Олег турку и показал кулак.

Толстяк обернулся к охранникам. Те, не сговариваясь, вытащили дубинки и, похлопывая ими по ладоням, стали приближаться.

– Бляди турецкие! – выругался Олег. – Идемте, парни! У них пистолеты, иначе я их уделал бы. Ничего, мы еще вернемся! Кровью ссать будут! Держитесь за мной!

Он зашагал к завесе. Следом устремились двойняшки. Толстяк и охранники проводили их взглядами, после чего, заперев решетку, вернулись в комнату. Здесь Керим открыл ключом шкаф и мигом вывернул на пол содержимое сумок гостей. Второй охранник присоединился к нему. Одежду они небрежно бросали в сторону, а вот документы, кошельки, мобильные телефоны и другие вещи, показавшиеся ценными, складывали на скамью. Толстяк, кривясь, наблюдал за этой сценой.

– Шайтан! – внезапно воскликнул он и схватил со скамьи бумаги.

– Что это? – поднял голову Керим.

– Диплом. Сертификат... – пробормотал толстяк, разглядывая. – Один из русских – врач!

– Что с того?

– Людей с высшим образованием, особенно медицинским, запрещено перемещать! Категорически! Надо было посмотреть и отправить его обратно! Теперь поздно – он прошел.

– И не пожалуется! – хмыкнул Керим. – Я беру это! – сказал напарнику, указывая на ноутбук. – Тебе – все остальное.

Тот поморщился и кивнул. Толстяк швырнул документы на пол.

– Все бумаги и одежду в печь! Керим, закажи новый ключ к шкафу! За свой счет!

Он повернулся и вышел.

3

Игорь Овсянников, попаданец, твою мать!

За опаловым маревом оказалась пустая комната. Я остановился и осмотрелся. Стены сложены из каменных блоков, в них прорезаны узкие окна, похожие на бойницы. Под ногами – пол из некрашенных, темных плах, над головой – вделанные в кладку стен балки, поверх которых – такие же плахи. К стене слева пристроена деревянная лестница, ведущая на следующий этаж. Судя по всему, последний: из проема в потолке падал свет.

Мебели в комнате не имелось, как и людей. Я собрался было их позвать, как вдруг насторожился. Запахи... У меня, некурящего, обоняние острое. Вонь немытых тел меня не встревожила – врачу и такое приходится обонять, но вот сырой, железистый запах свежей крови прямо вопил об опасности.

Я помедлил. Открытая дверь в стене напротив манила, но шестым чувством я ощутил: туда лучше не соваться. Стараясь неслышно ступать, я подобрался к лестнице и взобрался наверх. Предположение о последнем этаже подтвердилось. Открытая площадка, огражденная невысокой стеной с зубцами. Я ступил на перекрытие, огляделся и замер. Под стеной ничком застыло мертвое тело. Я понял это с первого взгляда. Характерная поза, положение конечностей...

Я подбежал и перевернул труп. Женщина... Умерла недавно – тело не успело остыть. У давних трупов кожа на ощупь очень холодная. Убитой перерезали горло – глубоко, до самого позвонка. Кровь успела вытечь, образовав под телом обширную лужу. Отсюда, видимо, она просочилась в щели меж плахами – оттого и появился железистый запах этажом ниже. На женщине были грубые сандалии, подкованные железными гвоздями, и красная туника – испачканная в крови, измятая и изорванная. Коротко стриженные волосы растрепаны. Похоже, что с тела что-то снимали, при этом небрежно его ворочая. «Наверняка, доспех», – подумалось мне.

Я не знал, почему в голову пришла именно эта мысль. Никакого оружия возле убитой не наблюдалось. Но грубые черты лица, мускулистые руки и ноги – воин, а не утонченная барышня. У барышень не бывает обветренной кожи на лице и грубых мозолей на ладонях. И, самое главное, под туникой убитой обнаружился хвост – длинный и покрытый короткой шерсткой. Абзац!

Я встал и выглянул между зубцов. Внизу лежала крепость – небольшая, но хорошо укрепленная, выстроенная в форме буквы «п». По углам перекладины «буквы» высились квадратные башни, выступающие за стены, сама крепость примыкала к скале – к ней прилепилась третья башня, на площадке которой я и стоял. Во внутреннем дворе наблюдались какие-то строения. Единственные ворота крепости распахнуты. За ними, в отдалении виднелись люди. Они что-то грузили на спины коней, при этом суетились и размахивали руками. Я присмотрелся. Одеты иначе, чем мертвая женщина, но тоже с хвостами.

«Твою мать! – подумал я. – Куда это нас занесло? Надо немедленно возвращаться. Там же парни ждут! Вдруг сунутся!»

Я подбежал к проему и скатился по лестнице на нижний этаж. Замер: в лицо мне смотрели наконечники копий. Копья находились в руках людей. Плоские, широкие лица, покрытые редкой шерсткой, широкие носы, выдающиеся вперед челюсти. Одеты в кожаные рубахи, на головах – остроконечные шлемы. Хвосты между ног... Люди?

В стороне задавленно вскрикнули. Я скосил взгляд. Окруженные такими же существами, у входа в грот жались Олег с братьями. Блин, не послушались! Что делать? Позвать охранников? Так они, выпроводив нас, наверняка ушли.

Одно из существ прорычало и потрясло копыем. Я машинально поднял руки. Существо оскалилось, показав острые, желтые зубы и что-то сказала. Другие засмеялись. Я разобрал слово «муш».

– Ничей я не муж! – возразил сердито. – Я здесь случайно – мимо проходил. С вашего позволения, уйду, – я ткнул пальцем в сторону прохода. – И ребят заберу.

Существо нахмурилось и что-то сказала. Сбоку мелькнуло. В следующий миг удар по затылку бросил меня в темноту...

«Меня оглушили и связали, – подвел я итог. – Надели на голову мешок, а теперь куда-то везут. Зачем? Потребовать выкуп? Нахрен мы кому-то сдались! Копейки не дадут. Обратят в рабов? Возможно. И это еще не худший вариант. Вариант с пересадкой органов здесь не катит: раз с копыями, то технологии не те. А вот в жертву какому-нибудь божку принести могут. С них станется...»

Удивительно, но я отчетливо понимал: это не сон и, тем более, не ролевая игра. В инсценировках не перерезают людям глотки. Там не глушат участников ударами по голове и не бросают их кулями поперек спин лошадей. За подобные штуки можно огрести, причем неслабо. А откуда, скажите, взялась крепость? Какой бы малой ни выглядела гряда за особняком в Турции, ее ширина – сотни метров. По гроту мы прошагали не более двадцати. Да и сама крепость... Похоже на древний романский стиль, но оборонительные сооружения того времени не сохранились – по крайней мере, в таком виде. Я это отлично знал – интересовался когда-то. Построили реплику? Стоит немереных денег. Сумасшедшие миллиардеры, конечно, найдутся, но о такой стройке знал бы весь мир. Да и зачем миллиардеру мужики из России? К чему переодевать их в античную одежду? Чтобы огреть по башке? Не вяжется. А внешность похитителей? Людей, конечно, можно загримировать, но это стоит больших денег и отнимает кучу времени. Тут нечто другое. Нас забросили в какой-то иной мир. Обманув и пообещав невиданную зарплату, но опять-таки – не затем, чтоб сунуть в мешок. У нас с парнями имелось другое предназначение. Какое?

Подумав, я решил не терзать себя попусту. Рано или поздно выяснится. Привезут, а там видно будет. Я попытался, напрягая мышцы, ослабить путы – не вышло. Руки и ноги стянули качественно. Похоже – ремнями. Такие не то что порвать, разрезать не просто: приходилось пробовать.

Из-за того, что висел я поперек седла, шумело в ушах. Кровь прилиwała к голове. «День в таком положении, и разрыв аорты гарантирован, – тоскливо подумалось мне. – И внутренние органы станут всмятку. Эти хвостатые точно уроды. Где их, таких, откопали? Садисты отмороженные...»

Я попытался думать о чем-то другом, но мысли крутились вокруг нынешнего положения. Я попытался ругаться и даже плевать – не помогло. Похитители, если и слышали меня, то не обращали внимания. Ко времени, когда меня сняли с коня, я готов был загрызть любого.

Мешок с головы сдернули. Я облегченно вздохнул, заметив рядом братьев и Олега. Нас не разлучили – добрый знак. Второй последовал тут же. Нас развязали и поднесли воды. Пока мы пили, я оценивал ситуацию. Мохнатых-хвостатых вокруг виднелось с десятков – уже легче. Правда, и с таким числом справиться трудно. Мы безоружны, а похитители обвешаны железяками. Владеть ими они точно умеют. Оглушили меня мастерски: сознание потерял, а сотрясения мозга не заработал. И ребята, похоже, в норме. Попытаться?

...По окончании четвертого курса я снялся в кино. Киногруппа приехала в наш город, и моя внешность приглянулась продюсеру. Во мне он разглядел казака – простодушного, но отважного. Слов у меня было всего ничего, зато требовалось много скакать и махать шашкой. Учил меня этому дядя Миша, каскадер с многолетним стажем, человек немолодой и желчный.

– Какой из него станичник? – рассердился он, увидев меня. – С такой мордашкой девок в офисах охмурять. А мы ему – шашку! Коню уши поотрубает...

Спорить я не стал, зато прилежно исполнял указания дяди Миши. К его удивлению, студент-медик весьма прилично сидел в седле, а вскоре лихо рубил на скаку надетые на колья тыквы.

– Вправду, что ль, из казаков? – подозрительно спросил дядя Миша. – С чего такой ловкий?

– Мастер спорта по спортивной гимнастике, – признался я. – А на лошади с детства ездить умею: в деревне рос.

– Глянь, какой перец! – покачал головой дядя Миша. – Раз так, буду учить по-настоящему. Только не для этих козлов. Они мудаки и снимают полную хрень. Я тебе покажу, как надо...

К концу лета я мог вращать шашкой, почти не касаясь ладонью рукояти, на скаку подцеплял клинком брошенный на землю платочек и разрубал его в воздухе. Дядя Миша меня хвалил и звал к себе в труппу. Но тетка настояла, чтобы я окончил вуз...

Ко времени, когда я утолил жажду, диспозиция уяснилась. В банде, захватившей нас, главной оказалась тетка в доспехах. (Я разглядел, что похитители – женщины. Правильнее сказать: самки). Желтые глаза тетки смотрели надменно. Выглядела она крепкой, но не атлетом. Вырубить не представляло труда. Для начала – ногой в голень, затем выхватить саблю – у желтоглазой она за поясом. Но как поведут себя другие бандитки? Хорошо бы растерялись. Тогда подключится Олег – он парень тертый и драться наверняка умеет. Глазами вон зыркает – очнулся. Двойняшек в расчет не берем – не бойцы. У нас будет шанс...

Осмотревшись, я пришел к выводу, что шансов нет. Самки-воины держались настороже. Особую тревогу вызывала баба с рябой рожей – настоящий борец сумо в женском обличье. Эта смотрела коршуном. Такую тушу кулаком не пробьешь...

Желтоглазая, указав на меня, что-то прорычала. Подскочившие самки сорвали с меня тунику, схватили за руки и вывели в центр круга. Я даже испугать не успел, только сморщился. От похитительниц несло запахом немых тел. Судя по рожам, умывались они еще в детстве. Несмотря на протесты, меня усадили на войлок, при этом «сумоистка» заехала мне кулаком в живот. Удар едва не вышиб из меня дух. Я оказался прав: с рябой шутить не следовало.

Желтоглазая, оттолкнув «сумоистку», рывкнула на нее, затем сказала нечто примиряющее. Я не поверил, но, подчиняясь жесту, сел. Желтоглазая толкнула меня в плечо, заставив упасть на спину, затем присела и стащила с меня набедренную повязку. Глаза у нее стали масляными. Встав, бандитка сняла пояс с оружием, сбросила сапоги, затем стянула кожаные штаны.

На меня пахнуло таким «амбрэ», что едва не выблевал. Хорошо, что желудок был пуст. Впечатление усиливали кривые ноги, покрытые густой растительностью, и длинный, до земли, пушистый хвост. Невольно представилось, как в этой шерсти кишат блохи. Крикнув от омерзения, я попытался вскочить, но «сумоистка» припечатала меня к земле.

Желтоглазая снова рывкнула, и рябая отпустила меня. В руках желтоглазой оказался кинжал, и она помахала им у меня перед носом. Слов, сказанных гнусной самкой, я не понял, но догадаться не составляло труда. Убьет, но для начала изнасилует. Вот для чего нас похитили! Мерзость!

Я оглянулся на сгрудившихся вокруг самок. Вырваться не удастся – их слишком много, и все не спускают с нас глаз. Парни не помогут – стоят в сторонке, выглядят жалко. Я глянул вперед и едва не вскрикнул. В просветах между ногами столпившихся бандиток виднелась шеренга воинов в доспехах. До них было шагов пятьдесят. Воины, натянув тетивы луков, целились в спины наших обидчиц.

Я скосил взгляд. Кинжал, воткнутый желтоглазой в землю, был неподалеку – дотянуться можно. Пора! Желтоглазая склонилась над моей промежностью. Быстрым движением я двинул ее коленом в подбородок. Затем, извернувшись, левой рукой схватил кинжал.

«Сумоистка» спикировала на меня, как ястреб на добычу. От тяжести, рухнувшей на грудь, у меня перехватило дыхание. Я собрался и, сжимая кинжал обратным хватом, ткнул им «сумоистку» в шею. Раз, другой... Клинок вошел в тело, словно в масло. Кровь, хлынув из раны, залила мне плечо и руку. «Сумоистка» захрипела и обмякла. Для верности я ударил ее в бок, целясь в печень, затем, поднатужившись, скатил ставшее непомерно тяжелым тело.

Вскочив, я огляделся. Бандитки валялись на земле со стрелами в спинах. Некоторые корчились и хрипели, плюясь кровью. Уцелевшие бежали к лошадям. К ручью, размахивая клинками и что-то вопя, неслась лава всадников.

Я бросил взгляд на ребят. Они, застыв, оторопело глядели на происходящее. «Собыют и стопчут!» – мелькнула мысль.

– Падайте! – закричал я. – Живо!

Первым сообразил Олег. Толкнув двойняшек в спины, он плюхнулся на живот рядом с ними. Я склонился над подававшей признаки жизни желтоглазой и поступил, как и положено врачу, гуманно: чиркнул остро отточенным лезвием по грязной шее – там, где проходит сонная артерия. Кровь ударила ключом. Я подобрал саблю и побежал к своим, где встал, загородив их. Кем бы ни были летевшие к ним всадники, но парней надо защитить. Я старший из четверых и единственный, кто владеет холодным оружием...

К моему удивлению, нас не тронули. Одни всадники, подлетев, прыгнули на траву и добили мохнорылых. Другие бросились в погоню за беглецами. Настигнув, зарубили. После чего, ведя на поводу трофейных коней, вернулись к становищу. Только после этого на нас обратили внимание. Конные и пешие окружили нас, с любопытством разглядывая. Я едва не утратил дар речи. Это снова были женщины!

Выглядели они иначе. Одинаковые чешуйчатые доспехи, круглые шлемы, оставлявшие открытыми загорелые лица. Одеты спасительницы в короткие туники, холщовые, не закрывающие икр штаны и сапоги из мягкой кожи. Лица самые обычные, человеческие. Слегка запыленные, но не грязные. Я опустил взгляд и вздрогнул: у этих тоже имелись хвосты!

– Какой красавчик! – внезапно воскликнула одна из женщин. – Прямо статуя! И фаллос имеется. Большой! Вот бы потрогать!

Остальные засмеялись. «Я понимаю ее! – удивился я. – Почему? Что это за язык? Латынь? Они говорят на латыни?»

– Скажи, пусть не спешит одеваться! – подключилась другая. – Где мы такое увидим?

Женщины захохотали.

– Я не статуя! – буркнул я.

Смех мгновенно утих. Из толпы выехала всадница на рыжем коне. Левый глаз ее закрывал пласт кожи с бровью наискосок, видимо сползший вследствие ранения. Из-за этого лицо всадницы имело зловещий вид.

– Ты говоришь по-нашему? – спросила она.

Я кивнул.

– Как твое имя?

– Игорь.

– Игрр... – произнесла она раскатисто. – Я Виталия Руф, старший декурион турмы «диких кошек». Скажи своим товарищам, чтобы не боялись. Мы друзья. Почему на тебе кровь?

– Это – ее! – я указал клинком на труп «сумоистки».

– Хочешь сказать, что убил сарму?

Губы одноглазой тронула улыбка.

– И эту тоже! – ткнул я на труп желтоглазой.

– Он говорит правду! – подтвердила одна из спешившихся женщин. – Когда подскакали, эти сармы были мертвы. В их трупах нет стрел. Обе зарезаны.

– Умойся! – бросила мне одноглазая...

– Что за хрень? – спросил меня Олег, когда мы привели себя в порядок. – Налетели какие-то хвостатые бабы, схватили, связали, сунули в мешок... Теперь прискакали другие, тоже хвостатые, и тех порезали. Ты можешь сказать, куда мы попали?

– Еще не знаю куда, – вздохнул я, – но попали конкретно...

Виталия Руф, старший декурион турмы «диких кошек»

Ала прискакала к бургу, когда пыль от ушедшей орды осела. Трибун, разобравшись, оставила на месте пехоту – смену гарнизона, и бросила нас в погоню. Кони, не отягощенные добычей, скакали легко, и к полудню мы достигли места, где от сарм отделился малый отряд. Трибун остановила алу, выслушала доклад разведчиков и подозвала меня.

– Вот что, декурион, – сказала хмуро. – Бери турму и скачи вслед ублюдкам. Вырежи их! А мы пойдем за ордой.

– Думаете, они увезли пришлых? – спросила я.

– Нет! – покачала головой трибун. – Таковую добычу и под охраной десятка? Но если вдруг... – Трибун помедлила. – Делай, что хочешь, но пришлые должны уцелеть.

– А после? – уточнила я. – Возвращаться в бург?

Трибун покачала головой.

– Только если пришлых не будет. В противном случае успокой их, ободрите и вези к Степному ключу. Оттуда, заночевав, – в Рому. Нас не жди. Я не успокоюсь, пока не вырежу этих вонючек до последней!

Лицо трибуна перекошилось. «За захваченный бург в РOME спросят! – поняла я. – Обвинят в промедлении... Но если удастся спасти пленников, спрос не будет суровым».

Спрашивала я на всякий случай: среди сарм, отколовшихся от орды, пришлых не будет. Уточнить, однако, стоило. Годы службы научили меня дотошности. Каково же было мое удивление, когда высланная разведка донесла: сармы везут пришлых.

Турма мигом повеселела. Если удастся освободить пленников, награды не пожалеют. Мы шли за сармами скрытно, стараясь не обнаруживать себя, и это удалось: погоню не заметили. Когда вонючки стали на дневку, я поняла: пора! Сармы сбились в круг и потащили в него пришлого. Они увлеклись, смять их не представляло труда. Но я решила не рисковать. В последний миг пришлых могли прирезать. Нам это нужно? А для чего каждая третья «кошка» в турме – лучница? Я выслала стрелков вперед, остальным велела спрятаться в балку и ждать.

Лучницы не подвели: первым же залпом уложили семерых. Я крикнула: «Бар-ра!» Турма завывала, заулюлюкала и, вылетев из балки, понеслась в атаку. Все кончилось в один миг. Сарм вырубили, пленников не зацепили. Когда я подскакала к становищу, трое мужчин лежали ничком (по позам было видно, что целы), а четвертый стоял, заслоня товарищей. Совершенно голый, перепачканный кровью, с оружием в руках, он выглядел непривычно и дико. Я решила, что пришлого ранили, но к счастью, ошиблась.

Разумеется, девочки уставились на мужчину. Где они могли такое видеть? К тому же пришлый – я отметила это сразу – оказался отменно сложен. Невысокий, но со скульптурно развитым телом, он походил на статуи с форумов Рома. Разве что лицо не такое. Голубые глаза под высоким лбом, русые волосы, а вот нос маленький, да и губы пухлые. Румянец на щеках... У мужчины! Совсем еще мальчик, но такой хорошенький! «Девчонки взбесятся, – подумала я, – особенно те, у кого Дни. Вот ведь беда! Не поделят – за спаты схватятся!»

По этой причине я говорила с пришлым сурово. К моему удивлению, он понимал латынь. Отвечал неуверенно, запинаясь, путал спряжения и склонения, но разобрать получалось. Пока собирали трофеи, я не спускала с Игрра глаз. Вел он себя естественно. Первым делом умылся в ручье. Девочки, не скрываясь, пялились на его хозяйство, и мне пришлось показать им кулак. Голубоглазый оделся и вернулся к спутникам. Ему принесли вещи, снятые с убитых им сарм.

Добыча, взятая в бою, принадлежит всем воинам, но пришлый не служил в але и имел право забрать свою. К удивлению турмы, Игрр отказался от доспехов, стоивших недешево, оставив себе кошельки и оружие одной из сарм. Разглядев спату и кинжал, я вздохнула. Оружие древней работы, явно захваченное в бою (свои мечи у сарм дрянные). Узорчатая сталь клинков, рукояти из рогов муфлона, шероховатые и удобные. Такие не выскользнут даже из окровавленной руки. Зачем спата и кинжал пришлому? С кем ему сражаться? Отбирать оружие я, однако, не стала. Пусть потешится. Наиграется и продаст, а я предложу хорошую цену. Золото пришлые любят...

Турма еще грузила трофеи, когда я подозвала пятерку и дала команду. «Кошки» вскочили в седла и умчались, поднимая пыль. Трое поскачут в бург – доложить о случившемся и привести повозки с палатками и припасами. Другие приготовят стоянку и сварят еду. «Кошки» передвигаются верхом, приучены ночевать в поле и спать под открытым небом, есть сухари и сырое мясо, однако пришлые такого не вынесут – слишком изнеженные.

Очень скоро я убедилась в своей правоте. Из четырех мужчин только Игрр держался в седле. Он даже сам подогнал себе стремяна, перед этим внимательно их рассмотрев. Ну, да, стремяна у сарм кожаные, в форме башмака, закрывающего переднюю часть стопы. Это у нас легкие, бронзовые. С металлами у сарм плохо... Остальным мужчинам пришлось помогать: и в седла залезть, и ноги в стремяна сунуть. Пришлые тряслись на спинах коней, словно мешки с зерном. К вечеру они сотрут кожу на бедрах и будут ходить в раскорячку. Я невольно улыбнулась, представив это. В этот момент ко мне и подъехал Игрр.

Вопросы, которые из него посыпались, заставили насторожиться. Я старалась отвечать односложно, но все равно скоро устала. Как называется этот мир? Пакс. Пакс Романа³? Просто Пакс. (Откуда он знает про Рах Романа?) Кто были женщины, напавшие на бург? Сармы. Это кочевое племя? Да. А как зовут наш народ? Рома. Рома и сармы воюют? С давних пор. Куда они едут? К месту отдыха. А затем? В Рому. Это город? Столица. Они будут там жить? Да. А чем будут заниматься?..

Последний вопрос вызвал у меня панику. Что ответить? Пришлым не следует раньше времени знать о предназначении: об этом алу строго-настрого предупредили. В бургe мужчин встречает жрица Богини-воительницы, она сопровождает и опекает их до Ромы, потихоньку просвещая и готовя к служению. Но жрица погибла в бургe, а я понятия не имела, что говорить.

– В Роме вам все расскажут! Я всего лишь воин, – отговорила я.

Игрр пристально посмотрел на мой хвостик (он у меня красивый – с кисточкой!) и отъехал. Я усккала в голову турмы, где предупредила воинов: с пришлыми разговоров не заводить. Приказ передали по цепочке, Вскоре мужчины оказались в центре круга, отделенные от «кошек» пространством в два конских скачка. Турма двигалась берегом ручья, который служил ориентиром. Ручей бежит от Степного ключа. Других источников на тридцать миль⁴ вокруг не имеется, не считая, конечно, колодца в бургe.

Двигались мы медленно. До Степного ключа недалеко, турма могла оказаться там засветло, но пришлые не умели скакать рысью. Они и без того выглядели замученными. К стоянке мы подошли с закатом. Высланные вперед девочки не подвели. В одном котле, подвешенном над костром, пузырилась и исходила ароматом каша, во втором остывал кипяток для вина. «Кошки», увидев это, заулыбались: в походе поесть горячего – радость.

Зато пришлые, попробовав кашу, скривились. Я нахмурилась: что не так?

– Невкусная? – спросила, подсев к Игрру.

– Подгорела! – ответил тот, отставляя глиняную чашу.

– На костре всегда так! – сказала я.

³ Рах Romana – римский мир (лат.).

⁴ Римская миля составляла примерно 1,48 км.

– Если не уметь готовить! – возразил он.

– Ты можешь лучше? – рассердилась я.

– Да! – ответил он нагло.

– Вот завтра и займешься! – сказала я и встала.

Меня трясло от негодования. Каша ему невкусная! Девочки старались – не пожалели копченого сала, турма свои чаши вылизала. А эти... Нет, это наказание – везти их Рому!

Пришлые и свободные от дежурства воины улеглись на войлоки, стоянка затихла. Я обошла посты, постояла в сторонке, прислушиваясь и приняхиваясь. Ночная степь наполнилась жизнью: трещали цикады, шуршали в траве мыши, в отдалении простучала копытцами стайка диких коз, но звуков, издаваемых сармами, не доносилось, как и не было характерного для них запаха: кислого и мерзостного. Любая «кошка» чует его за милю. Я полюбовалась на диск Селены, заливавшей степь желтым, призрачным светом и вернулась к стану. И сразу заметила возле места, где спали пришлые, тень. Я метнулась туда и едва не выругалась. Возле одного из пришлых, присев на корточки, застыла Лола, командир третьей декурии.

– Ты что? – прошипела я, хватая ее за плечо.

– Ему холодно! – тусклым голосом пробормотала она. – Смотри, как скорчился! Я ничего не буду делать, только согрею.

Я рывком вздернула ее на ноги и заглянула в глаза. Даже в свете Селены заметен их характерный блеск. Сжав запястье Лолы, я оттащила ее к костру и усадила у огня. Она сопротивлялась, но вяло – сознание еще не угасло. Достав из сумки кисет, я вытрусилась на ладонь щепотку коричневого порошка и поднесла ей.

– Давай!

Лола слизнула и скривилась. Вкус у хины мерзостный, но это – единственное средство, способное привести в чувство обезумевшую нолу. Я поднесла ей флягу и проследила, чтобы она сглотнула. Порошок, случается, выплевывают. Хина подействовала. Плечи Лолы обмякли, и она опустила голову.

– Когда началось? – спросила я.

– Сегодня, – вздохнула она. – К вечеру.

«А хину выпить Богиня-воительница не разрешила?» – хотела спросить я, но промолчала. Все из-за пришлых... Хотя от Лолы, признаться, я такого не ожидала. Не девочка, у которой приступ впервые, должна понимать.

– У кого еще Дни?

– Не знаю! – пожала она плечами.

Конечно! Зачем смотреть за другими, когда у самой голова кругом?

– Ложись! – велела я. – Здесь!

– Декурион! – попросила она. – Можно, я хотя бы его накрою? Застынет! Он ведь такой худенький...

Я вдохнула и выпустила воздух сквозь зубы. Ладно! Все равно не угомонится. Мне всю ночь ее сторожить?

Мы осторожно вернулись к пришлым, где Лола, стащив с себя плащ, аккуратно укрыла им избранника, не забыв подоткнуть края под шуплое тело. Мальчик во сне вздохнул и что-то пробормотал. Лола, молниеносно склонившись, лизнула его в щеку и тут же выпрямилась. Я сделала вид, что не заметила. Мы вернулись к костру, где Лола улеглась на войлок. Скоро она ровно дышала. Я подождала, наблюдая, не двинется ли еще кто к пришлым, затем встала и подошла к ним сама. Игрр спал боку, подтянув ноги к груди. Лола права: им холодно. Я сняла плащ и укрыла им пришлого. Подтыкать не стала: обойдется. Вернувшись к костру, прилегла рядом с Лолой. Та, ощутив меня рядом, придвинулась и прижалась ко мне. Я не стала отталкивать – так теплее.

4

Виталия, декурион. Довольная

Обоз прибыл с рассветом. Я похвалила «кошек», не побоявшихся выехать в степь ночью, и осмотрела повозки. Девочки постарались – выбрали лучшие. Повозки достались новые, пароконные, две открытые, с дощатым дном, застеленным мешками с сеном, и невысокими, съемными бортами, третья – фургон. На мешках пришлым будет мягко сидеть и спать. В крытом фургоне доставили припасы. Я осмотрела их. В бурге не поскупилась. Помимо палаток на всю турму и войлоков, имелись дробленое зерно, сыр, копченое сало, вяленая говядина, сушеные овощи, приправы и – о, чудо! – свежий хлеб в корзинах. Его явно пекли ночью и специально для нас.

С повозками прибыла Лавиния. Увидев ее, я сплюнула. Явилась, сучка! Все знают, зачем она таскается с конвоями, перевозящими пришлых. А что сделаешь? Дочери верховного понтифика все позволено.

Поразмыслив, я успокоилась. Лавиния наверняка прилипнет к Игрру, тем самым избавив меня от расспросов. Вот пусть и мучается! Повеселев, я принялась отдавать распоряжения.

Турма позавтракала свежим хлебом и сыром, запила еду горячей водой с вином и стала собираться в дорогу. Трех пришлых разместили в повозках – они после вчерашней скачки ходили, как я и предполагала, в раскорячку, а вот Игрр взобрался на кобылку, захваченную у сарм. Перед этим он проинспектировал запасы продуктов и попросил пустой кувшин.

– Зачем? – удивилась я.

– Крупу замочить. Она разбухнет и быстро сварится. Мы ведь будем обедать?

Я задумалась. В походе конница ест горячее только вечером, перед сном, но пришлые – не воины. Пусть забавляется! Игрру освободили кувшин, он засыпал в него дробленое зерно и залил водой. Девочки наблюдали за ним с улыбками. Весть о том, что пришлый будет варить кашу, их очень позабавила. Игрр не обратил на это внимания. Покончив с крупой, он стал седлать лошадь. Делал это весьма умело. Вообще, в отличие от других пришлых, Игрр выглядел бодрым. Как будто не было вчерашнего похищения и ночевки на войлоке, расстеленном прямо на траве. Свой плащ я забрала, пока он спал.

Как я и предполагала, Лавиния, завидев Игрра, задрала хвост и прилепилась к пришлому, следуя за ним шаг в шаг. Игрр вначале не обращал на это внимания, но, столкнувшись с Лавинией пару раз, сказал сердито:

– Держись от меня подальше, домина⁵! Оттопчу ноги!

Девочки прыснули. «Доминой» называют пожилую женщину, а Лавинии и двадцати нет. Игрр славно окоротил выскочку! Так ей и надо!

Лавиния вспыхнула и отошла. В пути Игрр держался рядом с пришлыми, о чем-то с ними переговариваясь. К сожалению, языка их я не понимаю. Жаль...

* * *

Говорил же Игорь следующее.

– У меня для вас, парни, две новости: плохая и хорошая. С какой начать?

– С хорошей! – попросил Леша.

– Мы тут вроде вип-персон. Заметили, как нас облизывают?

---

⁵ Домина – госпожа.

– Не слишком! – хмыкнул Олег. – Все бока отлежал. Кинули на землю тонюсенькую подстилку и даже одеяла не дали.

– Теперь дадут, – успокоил Игорь. – Спать будешь на матрасе – том, на котором сидишь. Их привезли специально для нас: старшая так сказала. А вот женщины лягут на войлоках. У нас бы сделали наоборот. Повозки пригнали тоже для нас – чтоб задницы в седлах не били.

При этих словах Олег с братьями сморщились. После вчерашней поездки кожа на бедрах саднила.

– А плохая новость? – спросил Степан.

– Нас не собираются отпускать. Повозки пригнали из крепости, нас туда не повезли. Спрашивается, почему? Спросил, но старшая сделала вид, что не слышит.

Лица спутников погрузнели.

– Зачем мы им? – спросил Олег.

– Не говорят! – вздохнул Игорь. – Но я догадываюсь.

Говорить о догадке он, однако, не стал. Возможно, всего лишь домыслы. Не стоит раньше времени расстраивать парней.

– Кругом одни бабы! – покачал головой Олег. – В доспехах! Это ж надо! Никогда такого не видел. Да еще с хвостами! Те, что взяли нас в крепости, были совсем страшненькие, а эти ничего. С голодухи сойдут!

Двойняшки покраснели.

– К тебе одна клеилась! – продолжил Олег. – Красивая! На Ольгу похожа.

– Попадись она здесь, задушил бы! – нахмурился Игорь.

– И я! – согласился Олег. – Удружила, зараза!

Игорь тронул бока кобылки коленями и порысил к Виталии. Та встретила его настороженно.

– Повозки едут медленно, – сказал Игорь. – Пока доберемся к стоянке... Надо скакать вперед и приготовить пищу.

Виталия, декурион. Встревоженная

Предложение Игрра мне понравилось. До Ромы декада пути – это если идти верхом. С повозками уйдут все две. Если сокращать стоянки, выйдет быстрее. Я сделала вид, что задумалась, после чего важно кивнула.

– Тогда я поехал! – сказал пришлый.

Я чуть не выругалась. Поймал на слове! Вчера велела варить кашу, вот он и припомнил. Только зря надеется – не ускользнет! Я кликнула Лолу. Та, услышав о задании, расплылась. Я нахмурилась. Выглядела Лола привычно, но одной порцией хины с Днями не совладать. Еще вздумает приставать к Игрру... К тому же пришлый, оставшись с девочками, попытается их разговорить.

– Выпей хины! – приказала я, когда Игрр отъехал. – И не вздумайте с ним болтать!

Лола кивнула. Спустя короткое время декурия, погрузив припасы, умчалась вперед.

– Куда они? – спросила Лавиния, подсакав.

– Кашу варить! – ответила я и еле сдержала смех, заметив, как перекошилось ее лицо.

На место стоянки отряд прибыл к полудню. Я не утерпела и сорвалась вперед. Увиденное заставило насторожиться. На полянке среди кустов тлели, затухая, два костра, над ними исходили паром котлы с кашей и горячей водой, а перед девочками, расположившимися кругом, стоял Игрр и что-то вещал. Девочки смотрели на него во все глаза. Завидев меня, они вскочили.

– Обед готов!.. – доложила, подбежав, Лола.

– О чем он говорил? – спросила я.

– Рассказывал, как живут в его мире. У них с почтением относятся к женщинам. Мужчины открывают перед ними двери, не позволяют носить тяжелые вещи, ухаживают за ними и даже носят на руках... Так чудно!

«Сукин сын! – подумала я. – Он что, нарочно? Девочки и без того с него глаз не сводят. Мало того, что отшил Лавинию, так еще головы кружит. Кончится тем, что передерутся. Нельзя отпускать его от себя!»

– Как каша? – спросила сердито.

– Попробуй! – предложила декурион.

Я направилась к костру. Игрр при моем приближении схватил глиняную чашку и навалил в нее горячий, вкусно пахнущей каши. Я взяла ложку, зачерпнула, подула на горячее, после чего положила еду в рот. Каша таяла на языке. Мягкая, пахнущая дымком, со вкусом копченостей и приправ, она скользнула в желудок, вызвав неукротимое желание съесть еще. Я еле сдержалась. Командир не должен есть раньше воинов.

– Вкусно! – сказала, возвращая Игрру миску.

Окружившие нас «кошки» радостно загомонили.

– Внимание! – крикнул Игрр подошедшей турме. – Всем умыться и встать в очередь! Грязным еды не дам!

Девочки кинулись к лошадям. Дружно хватали фляги с водой, лили на руки, плескали на лица, после чего бежали к костру. Игорь, скалясь и отпуская шуточки, накладывал в миски кашу. Я нахмурилась. По какому праву он распоряжается? Умываться, конечно же, нужно, но в походе воду экономят. Думая так, я понимала: злюсь зря. Мы заночуем у Лунного озера. Воды там в достатке: хватит помыться и в дорогу набрать. Но почему девочки его слушают? Кто здесь главный?

Кларисса принесла мне чашку с кашей, хлеб и кубок с разбавленным вином. Лола сделала то же для мальчика, над которым сидела ночью. Мальчик заулыбался. Они сели в сторонке и стали есть, при этом Лола старательно подсовывала пришлому свой хлеб. Я нахмурилась, но решила отложить разбирательство. Хотелось есть. Я села на траву и принялась за обед. Рядом поглощали кашу воины. Их лица светились блаженством. Вкусная еда и вино – что может быть лучше после долгого перехода?

Опустошив посуду, я встала и направилась к Игрру. Тот тоже ел, но, завидев меня, вскочил.

– Сиди! – удивилась я. – Ты же не мой воин.

– У нас принято вставать перед женщиной.

«Хитрец! – оценила я. – Только зря стараешься. Меня не очаруешь!»

– В своем мире ты был поваром? – спросила строго.

– Врачом, – возразил он и повторил: – Медикусом.

«Неужели? – не поверила я. – Такой молодой?»

Он, видимо, догадался, о чем я подумала.

– Я учился шесть лет, – добавил поспешно. – И еще год в интернатуре. Понимаю твои сомнения, декурион: я выгляжу молодо. Но мне двадцать восемь.

«На восемь лет старше меня? – мысленно ахнула я. – Не может быть!» Мгновение спустя я вспомнила: у пришлых иначе. Они взрослеют поздно. Димидия в двенадцать уже воин, я в свои двадцать – ветеран. Девочки считают меня старухой, хотя вслух такое, конечно, не говорят. Попробовали бы!

– Научи моих девочек варить кашу! – попросила я.

– Здесь нет ничего трудного! – ответил он. – Если замочить крупу, она быстро разварится. Не нужно большого огня под котлом – каша не пригорит. А сало для заправки следует резать мелко, тогда вкус получится однородным и мягким.

– Вот и расскажи им! – велела я и отошла.

Игrrr, кашевар турмы

После обеда все и случилось. Сытые и слегка захмелевшие (нам, по нашей просьбе, вино наливали неразбавленным) парни валялись в повозке. Олег вдруг рыгнул и погладил себя по животу.

– Счас спою! – сказал довольно.

– Давай! – ободрил я.

– Девки разбегутся! – вздохнул десантник. – У меня ни слуха, ни голоса. Пел только в армии – и то в строю.

И тут Леша внезапно выдал дискантом:

– Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла...
– Люли, люли стояла,

Люли, люли стояла... – подтянул Степан.

Братья сели и заголосили в два голоса:

– Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати,
Люли, люли заломати.
Как пойду я в лес, погуляю,
Белую березу заламаю.
Люли, люли заламаю...

Пели двойняшки на удивление слаженно. Высокие голоса плыли над степью, и песня, сочиненная в другом мире и о другой природе, удивительно органично звучала среди степи, поросшей высокой травой, вплеталась в топот копыт, звяканье сбруи, скрип колес... Турма, привлеченная неожиданным зрелищем, сбилась вокруг повозок, и, затаив дыхание, внимала пению. А братья, прикрыв глаза, самозабвенно выводили мелодию. Когда они умолкли, женщины восторженно закричали и захлопали.

– Знай наших! – довольно сказал Олег. – Это вам не мечами махать.

– Мы в хоре детдома пели, – сказал Леша. – Оба.

– Еще знаете? – спросил я.

– Ага! – кивнул Степан.

– Давайте!..

Песен братья, как выяснилось, помнили много. В их репертуаре преобладали народные, но были и современные. Ободренные реакцией слушателей, детдомовцы распелись и голосили вовсю. Когда грянули «Вдоль по Питерской», Леша в порыве чувств вскочил, отшвырнул матрас и стал отплясывать на днище повозки, выкидывая коленца. Получалось у него на диво ловко. С последним звуком он топнул ногой и картинно развел руки. Слушатели завопили. Далее произошло непредвиденное. Одна из женщин (она сидела с Лешей во время обеда), склонилась с седла, подхватила мальчонку под мышки и, выдернув из повозки, бросила на круп лошади. После чего умчалась вперед. Я онемел, но быстро взял себя в руки. Расталкивая лошадей сгрудившихся воинов, пробрался к Виталии.

– Что это значит? – процедил, кладя руку на рукоять сабли.

– Успокойся! – ответила она. – Лола не причинит ему зла.

Говоря по правде, выглядела она растерянной. Видимо, сама не ожидала.

– Сармы пытались меня изнасиловать! – напомнил я.

– Рома другие! – вспыхнула Виталия. – Мы не насилуем! По нашим законам любая, кто силой или угрозами заставит мужчину вступить с ней в связь, будет продана в рабство, а имущество ее конфисковано.

«Ну, и где ваш закон?» – собирался спросить я, как вдруг вдали показалась всадница. Она приблизилась, и стало видно, что детдомовец сидит боком на крупной лошади, а женщина бережно придерживает его рукой. Подскакав к повозке, всадница взяла парня под мышки и опустила внутрь. Турма закричала и захлопала.

– Видишь! – сказала Виталия. – Лола так выразила восторг. Не бойся. Никого из вас не принудят. Только если пожелаете.

– То есть, мы можем?..

– У меня тридцать женщин. Выбирай любую.

– И тебя? – поинтересовался я.

Виталия вспыхнула и, стегнув коня, ускакала вперед колонны. Я вернулся к повозке. Леша сидел раскрасневшийся и довольный.

– Покатались! – сказал, когда я подъехал.

– И только? – не поверил я.

– Ну... – потупился Леша. – Она лизала мне щеки и все повторяла... Что такое «аматус»? – шепнул он, глянув на ехавших по сторонам всадниц.

– Любимый! – перевел я, ухмыльнувшись. – Она объяснилась тебе в любви.

Олег заржал. Леша покраснел. Всадницы по бокам повозки заулыбались.

– Я тоже хочу! – внезапно воскликнул Степан и вскочил. К нему немедленно подлетела всадница, все это время не сводившая с него глаз. Она выхватила Степу из повозки, после чего, усадив перед собой, умчалась вдаль. Остальные заулюлюкали.

– Вот так и гибнут казаки! – сказал Олег и вздохнул. – Повезло пацанам! Почему я не пою?

– Не переживай! – хмыкнул я. – Только мигни! Любая утешит.

– Любая? – не поверил Олег.

– Ну... – пожал я плечами. – Две «аматусов» уже выбрали. Хочешь переиграть?

– Не! – покрутил головой Олег. – Пусть пацанам. Не нравятся мне их бабы. А вон та, рыженькая, с родинкой на щеке... – указал он пальцем. – Люблю худеньких. Сможешь ее позвать?

– Не вопрос! – хмыкнул я.

– Только предупреди: на коня не полезу! Пусть идет ко мне!

Я улыбнулся и поманил рыженькую. Та, настороженно глядя, приблизилась.

– Мой друг говорит, что ты ему нравишься, и приглашает к себе в повозку.

Рыженькая заулыбалась и послала коня вперед. Поравнявшись с повозкой, бросила поводья и прыгнула внутрь. Случайно или нет, но она плюхнулась Олегу на колени. Тот немедленно схватил и прижал к себе женщину.

– Аматус? – спросил деловито...

Виталия, «дикая кошка». Слегка мокрая

Дисциплину в турме удержала с трудом. После того, как трое пришлых выбрали женщин, остальные отпрянули от повозок, но продолжали поглядывать на Игрра. Осознавали, что он достанется Лавинии, но надежд не теряли. Если пришлый отвалил дочь понтифика, может, это всерьез? Лавиния красива, но Игрру почему-то не глянулась. «Лола с Калиссой поступили мудро, не став гнаться за несбыточным, и сумели договориться с мальчиками, – подумала я. –

Аурелию большой пришлый выбрал сам. Остался Игрр. А он из четверых самый красивый и желанный...»

Я не на шутку боялась, что кончится дракой. В Роме женщины не пристают к мужчинам; за это наказывают – и строго. Но здесь степь и две декады пути. Уникальная возможность получить желаемое – бесплатно и без надзора. Поэтому «кошки» рвутся к бургу, турмы в поход ходят по жребию. Но в обычном конвое триста воинов, а пришлых бывает от силы пять-шесть. Простой «кошке» не пробиться. В але тридцать декурионов, из которых десять старших, да еще трибун. Пока натешатся, уже Рома на горизонте... Здесь же такая возможность!

«Хоть бы он, наконец, выбрал! – злилась я. – Другие б отстали и стали ждать своей очереди. Станный он, этот Игрр. Про меня, уродину, спрашивал. Или решил посмеяться?»

Думать об этом было горько и приятно одновременно. Я с трудом отрешилась от несвоевременных мыслей. Конвой требовал пригляда.

К озеру мы пришли засветло – сказала короткая дневка. Девочки бросились распрягать и расседлывать коней, ставить палатки и разжигать костры. Вскоре, оставив дежурных, турма сорвала одежды и посыпалась в воду. Глубина озера в центре не превышает трех футов, вода прогрелась до самого дна, и все радовались возможности смыть грязь. Я распорядилась поставить на берег кувшин с мылом – в бурге не пожалели – и села наблюдать за девочками. Пришлых из виду, однако, не выпускала. Поначалу те усталились на купальщиц, не решившись последовать их примеру, но это не затянулось надолго. Игрр что-то сказал пришлым, затем подскочили Лола, Калисса и Аурелия. Они сорвали с избранников одежду и потащили их в воду. Там стали мыть, натирая спины и головы мылом. Мужчинам это понравилось. Скоро они стали гоняться за девочками, пытаясь схватить их, а те делали вид, что убегают. Ясное дело, притворно. Раз за разом попадаясь в руки мужчин, они визжали, делая вид, что расстроены. Остальные смотрели с нескрываемой завистью. В этот момент к Игрру подошла Лавиния.

Без одежды она выглядела еще прекраснее. Белая, нежная кожа, тяжелая грудь, стройные ноги... Жрицам храма не нужно ходить в походы, их не мочит дождь, не сжигает солнце, а степной ветер не высекает песком глаза. Лавиния протянула Игрру руку.

– Идем!

Он покачал головой.

– Ты меня боишься?

– Нет! – сказал он. – Просто не хочу.

– Зря! – сощурилась Лавиния. – Я умелая. Мужчины кричат, когда я их ласкаю.

– Вот и иди к ним! – посоветовал Игрр, добавив непонятное мне слово.

Лавиния фыркнула и пошла к озеру. Шагала она медленно, вызывая покаяние бедрами – так, чтобы Игрр мог одуматься и устремиться следом. Но он не смотрел в ее сторону. Сорвал лист лопуха, зачерпнул из кувшина горсть вязкого, как глина, мыла, плюхнул на лист и пошел берегом. Подумав, я отправилась следом. Лунное озеро очертаниями напоминает полумесяц, потому и получило такое название. Турма плескалась в центральной, самой широкой части, пришлый направился к дальнему рогу. Там, спрятавшись за кустами, разделся. Я, притаившись, наблюдала. Игрр первым делом выстирал набедренную повязку и тунику. Отжав их, развесил сушиться. Я одобительно кивнула. Пропотевшая одежда натирает тело и легко рвется. Пришлый мог попросить девочек, и те охотно помогли бы, но он стирал сам. Мне это понравилось. Покончив с одеждой, Игрр зачерпнул мыла и вошел в воду.

В этом конце озера совсем мелко, вода едва достигала мужчине колена. Я, открыв рот, наблюдала, как он намыливается. Подглядывать нехорошо, но я не смогла удержаться. «Богиня-воительница, как он красив! – думала я. – Эти руки, плечи и ноги... Мускулистый живот... Ни единой складки жира! Он словно сошел с постамента!»

Тем временем Игрр, разобравшись со всеми частями тела, попытался намылить спину. Руки его оказались коротковаты – достать до хребта не получалось. Он изгибался, пытаясь тянуться пальцами, но бесполезно. Поколебавшись, я сбросила одежду и вошла в воду.

– Давай помогу!

Он обернулся и уставился на меня. Взгляд его был странным: не то испуганный, не то удивленный. Я поборолла смущение и приблизилась. Он протянул мне руку с остатками мыла. Я сгребла их и стала натирать ему спину. Он, чтоб мне было легче, пригнулся. Мои пальцы скользили по гладкой коже, заглубевшимися подушечками я ощущала упругость и крепость его мышц, и все мылила и мылила, не в силах остановиться. Наконец, он мягко перехватил мою руку.

– Теперь я!

Я сбегала за мылом, он взял его и развернул меня. Его руки мяли и гладили мои плечи, спину, крестец. Это было невыразимо приятно. От удовольствия я прикрыла глаза. Его ладонь достигла ягодиц, огладила их, прошлась по хвостику, затем он повернул меня и стал мылить грудь, живот, руки... Меня окатила волна блаженства. Богиня, как хорошо! Я опомнилась, когда его пальцы скользнули в промежность.

– Дальше сама! – сказала хрипло.

Он пожал плечами и отступил. Плюхнувшись в воду, заплескался, смывая мыло. Я последовала его примеру. Мы ныряли и фыркали, поглядывая друг на друга. «Чего он смотрит? – сердилась я. – Глаза моего не видел? Сама знаю, что уродка!»

* * *

Если б Виталия могла проникнуть в мысли пришлого, то очень удивилась бы. «Отвал башки! – думал Игорь. – Это ж надо такое встретить! И где?»

Другие «кошки» его не впечатлили. Обветренные лица, приземистые фигуры, изогнутые, «кавалерийские» ноги... Воины. Это в кино амазонки красивые. Высокие, длинноногие, с лоскутками ткани, едва прикрывающими попы и роскошные бюсты. «Замечательные бойцыцы! – смеялся по этому поводу дядя Миша. – Ручки тоненькие – меч не удержит, тело нежное, ножки голые... В крапиву зайдет – завизжит и выскочит. А если веткой по сиськам? А по личику, краской намазанному? Эти тебе навоюют! Снимают блядей, чтоб мужики пялились...»

Лавиния не такая, но к ней Игоря не тянуло. Сразу видно, что блядь, к тому же похожа на Ольгу. Распутными женщинами Игорь брезговал, а Ольгу, будь такая возможность, попросту удавил бы. Виталию, как женщину, он не воспринимал; выяснилось, что зря. У декуриона оказались красивые, стройные ноги, в меру широкие бедра, узкая талия и плоский живот с заметными квадратами мышц. Плюс сильные руки и выпуклые, сильные ягодицы. У девушек, знакомых Игорю, зады были плоскими или обвисшими, что и понятно: физкультурой в последний раз они занимались в школе. Служба развила тело Виталии, но не лишила его женского очарования. А какой у нее оказалась грудь! Упругие полушария с задорно торчащими вперед сосками. Такое прятать в бюстгалтер – преступление!

Недостатки у Виталии все же имелись. Во-первых, выше Игоря. Не страшно, его это никогда не смущало... Закрытый складкой из кожи глаз. Поправимо. А вот хвост... В озере Игорь разглядел и даже пощупал незнакомую ему часть тела. Шерстки на хвостике не имелось, разве что на самом кончике. Сам не длинный – до колена. В принципе, ничего удивительного: на Земле, случается, рождаются с хвостами. Атавизм... Младенец в утробе матери имеет хвостик, но, вырастая, тело поглощает эту ненужную современному человеку деталь. Бегали некогда наши предки с хвостами, куда денешься. Поразмыслив, Игорь пришел к выводу, что хвостик Виталию ничуть не портит, а лишь придает ее облику пикантность.

...Они выбрались на берег и присели на траву, обсыхая. Виталия оделась первой.

– Дел много! – сказала, вставая.
– Ты красивая! – крикнул он ей вслед и добавил: – Очень!
Она дернула плечом, но не остановилась.

Виталия, «дикая кошка». Растерянная

Зачем он мне это сказал? Если хотел обидеть, то удалось. А если нет? Вряд ли. Даже трибун старается не смотреть мне в лицо, а уж ей... У нол обостренное чувство прекрасного, уродство вызывает отвращение. У пришлых, наверное, тоже. Я помню взгляды большого мужчины и мальчиков, устремленные на мой глаз. А вот Игрр смотрел без отвращения. Что было в его взгляде? И мыл он меня уж слишком старательно – похоже, ему это нравилось...

«Виталия, утомись! – приказала я себе. – Довольно! Этот красавчик не для тебя. Он знает себе цену. Если Лавинию отшил... Дела не ждут!»

Дела, естественно, нашлись. Следовало проверить посты, проследить, правильно ли поставлены палатки, хорош ли ужин (в этот раз готовили девочки), не скисло ли вино... Ужин, впрочем, не затянулся. После перехода и купания многим захотелось спать. «Кошки», пожевав каши и запив ее теплой водой, разбрелись по палаткам. Большим. Маленькие, предназначенные для пришлых, стояли пустыми. Недолго. Заметив, что мужчины поели, Лола с Калиссой увели туда мальчиков, затем Аурелия – большого пришлого. У костра остались Игрр, Лавиния и я. Игрр сидел, задумчиво вороша угли веточкой, Лавиния опрокидывала кубок за кубком, а я приглядывала за обоими. Меня тревожило предчувствие беды, и та не замедлила случиться.

Лавиния, швырнув на землю пустой кубок, подскочила к Игрру и схватила его за руку.

– Идем!

– Нет! – сказал тот, вырывая руку. – Я же сказал!

– Как смеешь! – зашипела она. – Ты знаешь, кто я?

– Насрать! – сказал Игорь.

Он произнес это на неизвестном языке, но, странное дело, мы обе поняли.

– Ты! – задохнулась Лавиния. – Лупа!

– Сама лупа! – не замедлил Игорь. Я аж подскочила. Лавиния – сука! Зачем это сказала? Пришлым нельзя!

Лавиния взвизгнула и выхватила кинжал. Я вскочила, но опоздала: лезвие сверкнуло в свете костра. Я закричала, но когда подлетела, Лавиния лежала носом к земле, а Игрр, сидя сверху, выкручивал ей руку.

– Вот ведь, блядь! – сказал, отбрасывая кинжал в темноту. – Могла порезать!

Он сказал это по-своему, но я догадалась о смысле слов.

На крик сбегались «кошки». Игрр встал и освободил дочь понтифика. Та поднялась, явив мятое лицо и испачканную землей тунику. Я ощутила, как меня охватывает бешенство.

– Ты пыталась убить пришлого! Без всякой причины. За это полагается смерть. По возвращении в Рому я доложу претору, и тебя казнят!

– Не докажешь! – скривилась Лавиния. – Суд не поверит!

– Ты дочь понтифика, – согласилась я. – Но твоей матери здесь нет. Зато есть «кошки», и любая с удовольствием тебя зарежет. В РOME мы скажем, что это дело рук сарм. Если хочешь жить, уезжай! Не медля!

– Ты пожалеешь! – взвизгнула Лавиния, но лицо ее выдавало страх. Я не шутила, и она это поняла. Опустив взгляд, она побежала к коням. Спустя короткое время в ночной тиши раздался топот.

– Идите спать! – приказала я девочкам. – Хватит на сегодня! Игрр ляжет в моей палатке.

«Не хочу, чтоб из-за него дрались!» – хотела добавить я, но удержалась. Пришлому незачем это знать.

Воины рассосались. Игорь направился к моей палатке. Присев у входа, он стащил сандалии и скрылся внутри. Я, успокаивая сердцебиение, прошла по стоянке. Девочки или спали, или притворялись спящими. Часовые несли службу. Я направилась к себе. Перед палаткой сняла сапоги и пояс с оружием. Забросила это в ближний угол. В случае тревоги окажется под рукой. Затем на четвереньках вползла внутрь.

Дыхания Игрра не слышалось. «Спит! – успокоилась я. – Вот и хорошо!» Я замерла, пытаюсь разглядеть, где он устроился, чтобы лечь в стороне, но в этот момент сильные руки схватили меня под мышки. Я ойкнула и попыталась высвободиться, но он оказался сильнее.

– Тихо! – раздался шепот. – Всех перебудишь.

Я замерла. Горячие губы коснулись моего лица и заскользили по нему. «Что он делает?» – испугалась я, но тут его губы отыскивали мои, а язык проник мне рот. Волна неведомого удовольствия накрыла меня. Я ощутила, как тело обмякает. Его руки погладили меня по спине, затем скользнули ниже. Ухватив за подол туники, он потащил ее вверх, и я невольно вытянула руки, помогая. Снятая туника полетела в угол. Затем пришла очередь штанов. Он запутался в поясном шнурке, и я развязала его сама. Штаны последовали за туникой. После чего меня обняли, и я обнаружила, что Игрр без одежды. «Он меня ждал! – поняла я. – Мог ведь замерзнуть. Ночи прохладные...»

Эта мысль пришла и исчезла. Он стал гладить меня – бережно и ласково; волна блаженства прокатилась по моему телу. Его губы снова нашли мои. Затем наши тела слились, и я разом перестала о чем-либо думать...

5

Пробуждение было необыкновенным. Открыв глаза, Виталия обнаружила, что голова ее покоится на мускулистом плече, а сама она прижимается к горячему мужскому телу. Ничего удивительного: ночи в степи стоят прохладные. Под тонкой попоной или плащом не слишком согреешься. Девочки стараются спать вместе, однако при этом они одетые, а не голые, как Виталия сейчас. Но ведь тепло!

Дыхание Игрра щекотало ей щеку. Какое-то время Виталия жмурилась, вспоминая прошедшую ночь, затем вздохнула и отбросила попоны. После чего попыталась встать.

– Куда? – раздалось сзади, и сильная рука опрокинула ее обратно. Виталия от неожиданности взвизгнула. Его губы, приникшие к ее губам, заставили ее умолкнуть, а затем они вновь стали одним целым. В этот раз он ласкал ее нежно, не доводя до страстного крика, но это было не менее приятно, чем ночью – даже лучше. Словом, из палатки она выбралась поздно и слегка помятая.

Турма давно встала; «кошки» копошились у костра, ожидая, пока согреется вода, припозднившегося декуриона встретили понимающими улыбками. Виталия сделала безразличный вид. Подумаешь! Она не заставляла Игрра ее ласкать, он сам захотел. Она лишь взяла его в свою палатку, остальное – его желание.

Она успела умыться и позавтракать, когда из палатки выбрался Игрр. Турма немедленно уставилась на пришлого. Игрр не обратил на эти взгляды никакого внимания. Позевывая, двинулся к озеру, умылся и направился к костру. Дежурная «кошка» протянула ему хлеб и испеченные в золе куриные яйца. Он поблагодарил и устроился рядом с Виталией.

– Черствый! – скривился, куснув хлеб.

– Пекарен здесь нет! – вздохнула Виталия. – Скоро останутся одни сухари.

– Мука и закваска имеются?

Виталия кивнула. Закваску привезли с припасами – наверное, положили впопыхах. Но в походе хлеб не испечешь – нигде.

– Яйца и сало я видел, – продолжил Игрр, – сковородки – тоже. Вечером сделаю вам блины.

«Кошки» у костра, не сговариваясь, уставились на пришлого. Каша, приготовленная им вчера, всем пришлась по вкусу.

– Что такое блины? – спросила Виталия.

– Ну... – он задумался. – Хлеб такой. К нему бы еще коровье масло...

Он вздохнул.

– Кто учил тебя готовить? – не удержалась Виталия.

– Тетя! – ответил он. – Она растила меня вместо матери. Много работала и приходила поздно. Я готовил ей ужин.

«А служанка?» – хотела спросить Виталия, но удержалась. Пришлые, прибывающие в Пакс, как говорили, родом из бедных семей. Служанок у них наверняка нет.

Продолжать разговор она не стала. И без того на них смотрели во все глаза, ловили каждое слово. Вскоре к костру подтянулись другие пришлые. Они тоже позевывали, прикрывая ладонями рты. «Кошки» хихикали и переглядывались. Четверым из них ночью повезло. Хорошо бы и другим...

Завтрак не затянулся. Колонна, разобравшись в привычном порядке, двинулась степной дорогой. Игорь оседлал кобылку, но забираться на нее не стал. Привязав повод к повозке, составил компанию Олегу.

– Полежу! – сказал, устраиваясь на мешках с сеном.

– Одноглазая замучила? – ухмыльнулся десантник.

– Так! – ответил Игорь, привстав. – Давай разберемся в понятиях. Во-первых, не одноглазая. Глаз у нее есть, просто не виден под складкой кожи. Во-вторых, я не хочу, чтоб о Виталии так говорили.

– Да я ничего! – стушевался Олег. – Ты это... Не обижайся!

– Забыли! – сказал Игорь, заваливаясь на мешки.

– Хочу спросить, – продолжил Олег. – У тебя с ней как? В смысле это?..

Игорь пожал плечами.

– А вот у меня...

– Что? – заинтересовался Игорь.

– Странно как-то, – вздохнул Олег.

– Хвост?

– Это как раз ничего. Даже в кайф, – улыбнулся Олег. – Ты ее обнимаешь, а она тебя им гладит. Я про другое. Она меня лизала.

Игорь приподнялся на локте.

– Не там! – поспешил Олег, заметив ироничный взгляд спутника. – В лицо.

– И что?

– Ну... – Олег почесал затылок. – Непривычно. А целоваться не хочет.

– На Земле есть народы, у которых поцелуй считается развратом, – тоном школьного учителя сказал Игорь. – Например, у индийцев.

– Правда? – изумился Олег.

Игорь кивнул.

– Знаешь, я не сильный ходок, но в школе когда учился, мы с девками того... – Олег ухмыльнулся. – Немного разбираюсь. Видно, что я у нее первый. Ничего не знает, ничего не умеет, все приходится показывать. И в то же время... – помялся он. – Не девочка.

– Тебе это важно?

– Не слишком, – ответил Олег, подумав. – Но хотелось бы знать.

– Особенности анатомического строения, – пожал плечами Игорь. – На Земле часть девочек рождается без девственной плевы или с ее зачатками. Поэтому при первом акте ничего не происходит.

– Здесь у всех так?

– Чтобы узнать, нужен осмотр, – просветил Игорь. – Собрать девочек, поставить гинекологическое кресло и провести исследование: визуальное и мануальное.

– Во! – обрадовался Олег. – Займись! Ты же доктор!

– Во-первых, не гинеколог, – загнул палец Игорь, – во-вторых, кресла нет. В-третьих, нахрен нужно?

Олег обиженно засопел.

– Спроси у двойняшек! – предложил Игорр.

– Спрашивал! – махнул рукой Олег. – Толку... Они сами впервые. Что-то лепечут... А меня моя укусила! Здесь! – Он указал на грудь. – Мы распалились, а она как грызнет!

– До крови?

– Синяк. Но больно, блин!

– Ерунда. Среди травм, полученных при сексуальных контактах, нередки разодранные ногтями спины, прокушенные губы, вывихнутые конечности, сломанные ребра и даже такая характерная, как перелом полового члена.

– Тьфу на тебя! – воскликнул Олег.

Игорь захохотал.

– Тебе хорошо смеяться! – обиделся Олег. – Самого-то не тронули.

Игорь отвернул рукав туники и продемонстрировал спутнику синяк на плече.

– Так это у всех! – обрадовался Олег. – Тогда нормально. Я думал, это мне попалась дикая.

– Отшей ее, и все дела!

– Она мне нравится, – вздохнул Олег и повел ладонями в воздухе. – Очень. Она ласковая. Меня любит. Ее Аурелией зовут.

– Золотая, – сонно пробормотал Игорь.

– Что? – не понял Олег.

– Имя так переводится: «Золотая».

– Красиво! – согласился Олег. – И сама рыженькая. Слушай, мне тут начинает нравиться. Кормят, заботятся, женщины любят... Кайф! А?

Ответа он не дождался. Игорь, раскинувшись на мешках с сеном, спал...

А к Виталии, скакавшей обочь, приблизилась «кошка», щупленькая и, судя по лицу, совсем юная.

– Вита! – окликнула тихо.

– Чего? – вздохнула декурион.

– У тебя с ним было? С Игрром?

– Да! – ответила Виталия, помедлив.

– И как?

Губы Виталии расплылись в улыбке.

– Передай его мне!

– Ниоба! – покачала головой Виталия. – Он же не вещь!

– У самой же получилось! Такой...

«Уродливой!» – мысленно закончила Виталия.

– Я не ждала этого, – сказала тихо. – Велела лечь ко мне в палатку, чтобы девочки не передрались. Думала, будем просто спать. А он...

– Значит, уложи его со мной!

– Он не захочет.

– А ты прикажи! Он тебя слушается.

– Ниоба! – покачала головой Виталия. – Ты мне сестра. Если я стану пихать Игрра к тебе в постель, девочкам не понравится. Я взяла тебя в турму по просьбе тети, но мужчин не обещала.

– Ты просто жадная! – надула губки Ниоба. – Не хочешь делиться!

Виталия нахмурилась и отвернулась.

– Прости! – Ниоба в раскаянии коснулась ее руки. – Я не хотела. Я знаю: ты хорошая и любишь меня. Сама не понимаю, что со мной. С тех пор, как увидела Игрра, хочу его, не переставая. Он мне снится.

«Не тебе одной!» – мысленно вздохнула Виталия.

– Приходит и ласкает меня, – продолжила Ниоба. – И мне становится сладко-сладко. Откуда это? Ведь я не знала мужчин. И Дней у меня нет.

Виталия не ответила.

– Пожалуйста! – Ниоба умоляюще глянула на Виталию. – Поговори с ним. Пришлые любят золото. У меня есть деньги. Я заплачу!

– Ниоба! – вспыхнула Виталия. – Только посмей! Они не должны об этом знать!

– Тогда придумай другое! – воскликнула сестра. – Ты же у нас умная.

Она прищипорила лошадь и умчалась вперед. «Начинается!» – подумала Виталия. – Ниоба совсем девочка, поэтому говорит, что думает. Другие смолчат, но затаят обиду. Как сказать это Игрру? Объяснить? А ведь надо...»

Эту мысль Виталия не додумала. На колонну напали сармы.

* * *

Сотня Тарготао, высланная задержать алу, двигалась на соединение с ордой. Выйдя к ручью, сармы наткнулись на разгромленное становище. За сутки трупы не успели почернеть, хищные птицы их не тронули, так что предводительницу и ее спутниц узнали без труда.

Сотница, выражая горе, расцарапала себе лицо и долго выла, катаясь по земле. Воины не мешали – обычай. Они деловито стащили трупы в кучу и кое-как, используя топоры и шлемы, присыпали их землей. Осознавали: курганчик простоит до дождя, после чего вода тела вымоет, но насыпать курган не было времени. Сотница, завершив ритуал, кратко объявила: «Мсть!»

После стычки с алой от сотни уцелела половина, запас стрел подходил к концу, но воины обрадовались. Судя по следам, рома ушли малым числом. При внезапном нападении сарм ждал успех. А, значит, – и добыча. Оружие, доспехи, кони... В кочевье воинам, потерявшим предводительницу, могут сломать спины, а добыча заставит недовольных умолкнуть. Сотня вскочила в седла и скоро вышла к дороге. Следы поведали, что у рома появились повозки; это особо обрадовало сотницу. С повозками идут медленно, а добыча возрастет. Глубоко вдавленная колея говорила, что груз тяжелый. Сотня заночевала, а с рассветом пошла в погоню. Двигались осторожно, высылая вперед дозоры, поэтому настигли рома, не обнаружив себя. Нападение отложили на утро. Рассвет – самое время для атаки. Враг завтракает и не готов к бою. Часовые утратили бдительность. Не успеют понять, как сотня ворвется в лагерь...

Затаившись в траве, сармы готовились к бою, как вдруг сотница разглядела у костра мушу. Поначалу не поверила глазам, но, присмотревшись, поняла: не ошиблась. Муши одеты по-другому и двигаются иначе. Вскоре появились и другие – всего их насчиталось четверо. От радости сотница едва сдержала крик. Вот это добыча! Теперь ясно, зачем Тарготао ушла из орды – хотела сохранить мушей. Ей это не удалось, а вот у сотни получится. Рома не более трех десятков...

Сотница поменяла замысел. Налет на стоянку становился опасным – в неразберихе мушей могли убить. Сармы, таясь, отошли в степь и двинулись вдоль дороги, не выпуская из виду турму. Разглядев, что муши лежат в повозках и не показываются поверх бортов, сотница решила: пора! Наказав воинам беречь мушей во что бы то ни стало, она натянула тетиву на лук. Пора...

Успеху атаки помешал случай. Расстроенная Ниоба направила лошадь в степь и разглядела в траве шлемы кочевников. Развернув коня, она помчалась обратно, размахивая руками.

– Сармы! Сармы!..

Турма среагировала мгновенно. Авангард и арьергард колонны в считанные мгновения соединились. Воины сняли с седельных крюков щиты и спешили. Коноводы отогнали лошадей за повозки. Турма действовала быстро и слаженно, как один организм. Сказывался опыт, приобретенный в боях.

Разбуженные криками, мужчины вскочили, но Виталия, подлетев, велела спрятаться.

– Сармы будут стрелять! – крикнула торопливо. – Не высовывайтесь!

Игорь перевел, пришельцы скатились под повозки и уже оттуда наблюдали за происходящим. «Кошки», выстроившись в две шеренги, по команде закрылись щитами. Второй ряд держал их над головами первого. Верхние щиты частично перекрывали нижние, образуя стену, непроницаемую для стрел и дротиков.

Увидев, что рома загородились, сотница взвизгнула и прокричала команду. Лавина сарм перестроилась, воины натянули луки. Перед стеной из щитов закружился смертоносный круг. Управляя лошадьми с помощью ног, сармы по очереди выпускали стрелы, метя в щели между щитами. Главное – разбить строй, дальше в ход пойдут топоры. Железный град бил по обшивке щитов.

Из-под повозки землянам были видны лишь ноги и спины женщин. Игорь поколебался и встал. Рядом немедленно возник Олег.

– Ложись! – велел Игорь. – Убьют!

– Да я!.. – обиделся десантник. – За бабскими спинами...

В этот момент одна из стрел нашла цель. Из строя, выронив щит, вывалилась «кошка». Из плеча ее торчало оперенное древко. Шеренга сдвинулась, закрывая просвет, но щели между щитами возросли.

– Поубивают девок! – крикнул Олег. – Вот, бляди немытые! Да я им!..

Десантник подскочил к повозке и отцепил запасное дышло. Размахивая им, он обогнул щитоносцев и встретил ударом в грудь первую из подскакавших сарм. Кочевница слетела «кош-кам» под ноги, и ее тут же прикололи. Олег замахнулся для следующего удара...

«Песец! – подумал Игорь. – Сейчас всем песец! Окончательный и бесповоротный. Сармы бросятся на Олега, девки кинутся его отбивать, после чего пойдет свалка. Нас вырежут и вырубят...» Не раздумывая, он отвязал от повозки кобылку – в суматохе о ней забыли – и вскочил в седло. Рукоять трофейного клинка словно прыгнула в руку. Ударив лошадь сандалиями, Игорь вылетел в смертоносный круг.

– Все это фигня! – говорил дядя Миша, когда на съемках массовка изображала конный бой. – В верховом бою казак не фехтует. У шашки гарды нет; станешь отбиваться – без пальцев останешься. Казак врага режет. Сбоку, уходя от удара. Я покажу как...

Трофейный клинок походил на знакомую Игорю шашку: изогнутый и легкий. Разве что хват иной. Выбирать, однако, не приходилось.

Сармы крутились вокруг щитов, Игорь, обогнув «кошек», устремился навстречу им. Отдохнувшая кобылка мчалась по вытоптанной траве. Левой рукой Игорь держал повод, правой вращал над головой клинок – как учил дядя Миша. Враг не увидит замаха и не успеет среагировать... Навстречу летели лица: потные, грязные, изумленные. Проносясь мимо, Игорь выбрасывал руку, целясь в голову, и не думая, зацепил или нет, мчал дальше. Это были не съемки, а настоящий бой: совсем не зрелищный и кровавый. А что делать? Сарм – много, и они вооружены. Убив «кошек», примутся за землян. Изнасилуют и зарежут...

Появление в круге муша с мечом ошеломило сарм. Он летел им навстречу, стремительный и грозный, и разил, разил и разил... Будь это обычная рома, ей пришел бы конец – если не от стрелы, то от дротика. Но сотница запретила трогать мушей. Воины медлили и пропускали удар. В считанные мгновения строй нападавших дрогнул. Часть сарм, попав под клинок, скатилась к копытам коней. Среди них оказалась и сотница. Остальные растерялись. В этот миг от повозок грянуло: «Бар-ра!» Воспользовавшись замешательством врага, «кошки» вскочили в седла. Конная лава устремилась на сарм. Стрел, чтобы встретить рома, у тех не было. Сармы повернули коней и бросились наутек. Ускакать удалось не всем. Подлетевшие «кошки» метали в сарм дротики, рубили спатами; бой превратился в истребление. Недолгое. Опасаясь за мужчин, Виталия скомандовала погоню прекратить. «Кошки» съехались раскрасневшиеся и запыхавшиеся.

– Все целы? – спросила Виталия.

– Все! – доложили декурионы.

Виталия не поверила и пересчитала сама. Декурионы не ввали. В турме, пошедшей в атаку, никто не погиб и, судя по виду, даже не получил серьезной раны. Небывалая удача!

– Сарм добить, добычу собрать! – велела Виталия и поскакала к обозу.

...Игрр обнаружился у повозок. Он хлопотал у Ниобы: это она получила стрелу в плечо. Приподняв «кошку», Игрр пытался стащить с нее доспех. Ниоба, закусив губу, стонала. Виталию на миг охватила жалость к сестре, но клокотавший внутри гнев победил.

– Ты! – крикнула она. – Как посмел! Тебя могли убить!

– Тебя тоже! – ответил он хладнокровно.

– Мы бы справились! У сарм кончались стрелы...

– Помолчи, а? – перебил он. – Не видишь – я занят.

Виталия подавилась словами и отошла.

– Чего это она? – спросил Олег.

– Переживает. Мы с тобой сарм разогнали, а они не при делах.

– Ха! – приосанился Олег.

– Видно десантника! – похвалил Игорь.

– Контрактником в оружейке работал, – признался Олег, и добавил поспешно: – Но срочную тянул в десанте!

– Помогай! – попросил Игорь.

Вдвоем они стащили с Ниобы лорик. Для этого пришлось срезать торчавшее из плеча древко. Окровавленную тунику Игорь снял сам, обнажив девичье тело с грудями-капельками. От ключицы к незагорелому животу тянулась тоненькая струйка крови. Присев, Игорь некоторое время разглядывал рану, затем взял пальцами обрезаек стрелы и слегка надавил. Ниоба вскрикнула и дернулась.

– В ребро уткнулась! – пробормотал Игорь. – Хреново.

Он встал и прошелся по полю боя. Выдернув из земли несколько стрел, осмотрел наколечники. Затем попробовал один из них снять. Наконечник соскочил с древка неожиданно легко.

– Сармы нарочно так делают! – пояснила подъехавшая Лола. – Чтоб в ране остался.

Игорь кивнул и, бросив стрелы, кроме одной, вернулся к Ниобе. Попросив ее поднять руку, приложил к боку древко, совместив его проекцию с торчащим отрезком. После чего ощупал ребро на спине Ниобы.

– Может получится, – пробормотал, вставая.

...Интернатуру Игорь проходил в травматологическом отделении. Сюда везли раненых в ДТП, выпавших из окон домов, ошпаренных и обожженных, поскользнувшихся на заснеженных улицах и пострадавших в домашних разборках. В клинике Игорю нравилось. Интерна не подпускали к больным с сочетанными травмами; к таким сбегались специалисты всех отделений, но, случалось, и от него что-то зависело. В выходные врачи уходили, оставляя дежурить сообразительного интерна. В один из субботних вечеров привезли мальчишку с железным штырем в груди. Школьники играли на стройке, один из них поскользнулся и упал на торчавшую арматуру. Та пробила парня насквозь. приятели сообразили позвонить в МЧС. Спасатели, прибыв, отпилили штырь и привезли раненого в больницу. Игорь стал звонить, но врачи оказались на дачах, к тому же поевшими шашлыков. А чем в России запивают шашлык, даже козе известно. Словом, Игорь штырь извлек сам, и мальчик выжил.

В травматологии Игоря обещали взять в штат, но тут о нем вспомнила Родина. Игоря призывали в армию, в клинике ждать не стали...

– Покашляй! – попросил Игорь Ниобу.

Та кашлянула и сморщилась.

– Сплюнь! – Он протянул руку.

Ниоба плюнула в ладонь.

– Крови нет, – пробормотал Игорь, разглядывая слюну. – Легкое не задето. Повезло.

Он обтер руку о тунику и выпрямился. «Кошки», окружив повозку, смотрели на него.

– Чистые бинты! – сказал Игорь. – Воду, мыло, вино и уксус, – Он помедлил и добавил: – И топор. С хорошим обухом...

За то, что Игорь собирался сейчас сделать, в России отняли бы сертификат. Был случай, когда хирургу снизили квалификацию за спасенную жизнь. Во время операции у больного открылось кровотечение, его не могли остановить. Когда получилось, запасы крови иссякли.

Больной умирал. Хирург перелил пациенту свою кровь – группа и резус совпали. Пациент выжил, но врач нарушил инструкцию. Ему это припомнили...

Раненую девочку нужно было спасти. Если не извлечь стрелу – сепсис или гангрена. А вот если попробовать извлечь, шанс есть.

Игорь заставил Ниобу выпить кубок вина, затем протер уксусом кожу на спине и на плече вокруг раны, а также пенек древка. Не спирт, конечно, но все же. Тщательно вымытыми руками взялся за древко и начал двигать им. Зрачки у Ниобы расширились, она замычала.

– Молчи! – пригрозил Игорь, показав кулак.

Ниоба испуганно кивнула. Из глаз ее вытекли и заструились по щекам слезы. Игорь вернулся к прерванному занятию. Стрела вошла Ниобе под левую ключицу и, потеряв силу от удара в доспех, прошла к боку, где уткнулась в ребро. Ощущая, как острие наконечника скребет по кости, Игорь пытался нащупать щель между ребрами. Почувствовав, что стрела прошла вперед, облегченно вздохнул.

– Топор! – велел отрывисто.

В руки ему сунули гладкое топориче. Зрачки Ниобы снова расширились.

– Закрой глаза! – велел Игорь.

Неизвестно, что она подумала, но приказу подчинилась. С короткого замаха Игорь стукнул обухом по пеньку. Наконечник с хрустом выскочил наружу. Ниоба вскрикнула и потеряла сознание. Олег, не спускавший с нее глаз, подхватил раненую. Игорь бросил топор, вцепился в показавшуюся в боку Ниобы стрелу и рывком вытащил ее. Отбросив в сторону, протер рану смоченной уксусом тканью, затем ножом расширил входное и выходное отверстия – для стока крови и гноя. Когда закончил с повязкой, Ниобу подняли и унесли.

– Ну? – сказал Игорь, вставая. – Кто следующий?

К нему выстроилась очередь. Раны других «кошек» оказались легкими – большей частью царапины. Некоторые Игорь даже зашивать не стал – смазал уксусом и забинтовал. Закончив, осмотрелся, увидел неловко согнувшуюся Виталию, и ткнул в палец.

– Теперь ее! Снять лорику и тунику!

– Я... – пыталась возразить Виталия, но подскочившие декурионы раздели ее и отвели к Игорю. Тот, откинув борт повозки, подхватил Виталию и уложил животом на мешок с сеном. После чего пробежался пальцами вдоль хребта.

– Где болит?

– Нигде! – сердито ответила Виталия. Она все еще злилась. Мало того, что Игрр влез в схватку с сармами, так еще командует!

– Понятно! – сказал Игрр и перевернул ее животом кверху. Поднял вверх левую, затем – правую ногу. Виталия вскрикнула.

– Чем тебя? – спросил Игрр, опуская ногу.

– Топором! – призналась она. – Но на спине щит висел.

– А ты в этот миг пригнулась, – дополнил он. – От раны спас щит, но от сотрясения защемило корешок в позвоночнике. Ложись на живот!

Виталия перевернулась. Игрр попросил масла, плеснул его на ладони и стал массировать ей спину. Его сильные пальцы ласково, но сильно мяти ее мышцы, ладони скользили вдоль хребта, словно растягивая его. Виталии стало необыкновенно приятно, и она закрыла глаза. Накатило блаженство, почти такое же, как и прошедшей ночью, и, если бы не боль, покалывавшая хребет, Виталия закричала бы от страсти. Игрр закончил массаж и легонько шлепнул ее по ягодице.

– Вставай!

Она нехотя подчинилась. Он помог ей одеться.

– Еще пять сеансов, и будешь как новенькая.

– Пять? – обрадовалась Виталия и внезапно увидела устремленные на нее взгляды «кошек». Они горели завистью. «Почему так ударили не меня?!» – словно говорил каждый взгляд.

– Возможно, больше! – сказал Игрр. – Посмотрим динамику. Тяжелое не поднимать, больше трех килограммов не носить. – Он засмеялся, сообразив, что последнюю фразу произнес по-русски, и она его не поняла. Он посерьезнел и коснулся пальцами складки над ее левым глазом. – Можно?

Виталия кивнула. Он сдвинул складку вверх, открыв ей обзор, потом зачем-то подвигал кожу вверх-вниз, вправо и влево.

– Чем это? – спросил, убирая пальцы.

– Меч! – ответила Виталия.

– Рану забинтовали наспех, кожу не зашивали, а когда вспомнили, она уже приросла? – продолжил он.

– И шлем на голове, – вздохнула Виталия. – Сарм оказалось много, мы отступали. Более тяжелых не успевали перевязывать.

– Понятно! – кивнул он. – У вас есть пластические врачи?

– Кто? – удивилась она.

– Лекари, исправляющие дефекты лица.

– Нет! – сказала Виталия.

– Жаль! – вздохнул он. – Работы всего ничего.

В груди Виталии кольнуло.

– Ты... Можешь?

Он помедлил и кивнул.

– Делай!

– У меня нет инструментов!

– А что нужно?

– Скальпель! – стал перечислять Игрр. – Это нож с маленьким лезвием. Иголки, чтобы зашивать раны, нитки, бинты. Про обезболивающее промолчу – вина выпьешь. Пожалуй, все.

Виталия подумала, подошла к оседланной лошади и порылась в колчане. Достав стрелу, срезала кинжалом древко на ладонь от листовидного наконечника.

– Скальпель! – сказала, вручая обрезок Игрру.

Тот попробовал пальцем кромку и кивнул.

– Нитки и иголки найдем.

– Вита! – сказал он. – Будет больно.

Она хмыкнула.

– Могут быть осложнения, тогда шрам станет еще безобразней.

Она хмыкнула во второй раз.

– Ладно! – сдался он. – Если что, так без претензий. Я не пластический хирург...

– Возвращаемся к озеру! – крикнула Виталия турме. – Двигаться дальше поздно.

Игорь, пластический хирург. Обиженный в лучших чувствах

Любопытных я прогнал. Уложив Виталию на доски, закрыл салфетками ее глаза, оставив лишь операционное поле. Салфетки мы сделали из кусков ткани, которые прокипятили и высушили. Импровизированный скальпель прошел аналогичную стерилизацию. Предварительно наконечник поправили до бритвенной остроты. Рот мой скрывала повязка, руки вымыты мылом. Пора...

Я ругал себя за длинный язык. Зачем напросился? Какой из меня пластический хирург? Но сделать операцию хотелось. Девчонка комплексовала из-за глаза – это бросалась в глаза. Она хорошая, Вита, хоть и строит из себя начальницу. Я вздохнул и сделал первый надрез...

Операция прошла на удивление быстро. Вита вела себя молодцом: лежала смирно и только зубами поскрипывала. Я хотел сунуть ей в рот деревяшку, но она отказалась. Даже когда срезал багровый рубец, образовавшийся от давней раны, она не дернулась. Я наложил последний шов и стал бинтовать голову.

– погоди! – остановила Виталия.

Подбежавшая декурион поднесла ей бронзовое зеркало. Виталия, сняв бинт, некоторое время рассматривала свое лицо. Кровь, струйкой наплывала на бровь.

– Вита! – взмолился я. – Испортишь!

Она неохотно вернула зеркало и разрешила забинтовать ей голову. При этом улыбалась...

Блины в этот вечер я печь не стал – пропало желание. Парни выглядели хмуро. Вчерашние пассии избегали общения с ними. Ребята связывали это с битвой, но я подозревал, что дело в другом. В чем скоро и убедился. После ужина Виталия направилась к своему шатру. Я устремился следом.

– Нет! – остановила она. – Будешь спать у себя.

– Там Ниоба! – возразил я.

– Скажи, чтобы перебралась к другим.

– Вита! – спросил я, помедлив. – Почему? Я тебя чем-то обидел?

– Нет! – покачала она головой. – Наоборот. Но так нужно.

– Я не буду к тебе приставать! – заверил я. – Просто полежу рядом. Я врач, а ты нуждаешься в попечении.

– Ниобе оно требуется больше! – сказала Вита и наклонилась ко входу в палатку. Я сунулся следом и тут...

Нет, я все понимаю! Не хочешь – так и скажи. Но хвостом по лицу-то зачем?

Вита скрылась, даже не обернувшись. Вот, значит, как? Ладно!

К себе я отправился, кипя от злости. Я это припомню! Ты у меня попляшешь! Ты еще не знаешь, на что способен обиженный в лучших чувствах пластический хирург...

6

Виталия Руф, старший декурион. Растерянная

Перед рассветом я обошла посты, с удовлетворением отметив, что девочки бдят. Декурионам я накрутила хвосты: прозевали нападение сарм. Повезло, что Ниоба увидела. А еще Игрр... Умом понимаю: его помощь пришлась кстати. Не полезь он в бой, мы потеряли бы многих. Но ведь он мог погибнуть! Что сказали бы в РOME? Да что Рома? Мне самой после этого хоть горло режь. Игрр, хвала Богине-воительнице, уцелел и даже сделал мне операцию. Впервые за долгое время я вижу обоими глазами. Рана под повязкой ноет, но это приятная боль. Я даже крепко спала, тем более что никто не мешал. Не обнимал, не гладил, не касался губами моих губ. Как сладко у него это выходит! Внутри все замирает... Стоп, об этом не надо! Ему нельзя больше со мной. Я все сделала правильно. Не стоило, конечно, хвостом его по лицу, но зачем следом лез? Ведь сказала же! Он, разумеется, обиделся и станет дуться, вот и пусть! Я «дикая кошка», а не сенатор с форума Рома. У нас разговор короткий...

Лагерь просыпался. Девочки тянулись к озеру, дежурные хлопотали у костра. Сбросив сапоги, я зашла в воду и умылась, стараясь не замочить бинт. Вытершись захваченным с собой куском холста, обулась и пошла к костру. И только сейчас обратила внимание на мертвую тишину. В чем дело? Богиня-воительница!..

Игрр, вытащив сестру из палатки (не приходилось сомневаться – спали они вместе), нес ее на руках. При этом Ниоба улыбалась и радостно прижималась к Игрру. Отойдя в сторонку, Игрр поставил сестру на землю, спустил ей штаны, а затем, подхватив под бедра как маленькую, помог справить нужду. У меня ослабли коленки. Мало того, что ни я, ни девочки никогда не видели, чтобы пришлый носил женщину на руках, так еще и это!

Этим, однако, не ограничилось. Натянув Ниобе штаны, Игрр отнес ее к озеру, где умыл, а после все так же на руках доставил к костру. Дежурная дрожащей рукой протянула ему испеченные в золе яйца. Игрр очистил их и стал Ниобу кормить. И та, ничуть не смущаясь, принялась откусывать! При этом кокетливо улыбаясь. Мерзавка! Вчера с Лолой мы ее осмотрели и обнюхали. Рана не выглядела плохо, гноем не пахло, но я все равно скормила Ниобе кусок горного воска, взяв себе лишь горошинку. Воск нашелся среди трофеев, взятых у сарм, но было его мало – требовалось экономить. После такого лечения Ниоба не только ходить, в седле сидеть должна! А тут такое, да еще на глазах у всех! Я физически ощутила грозу, повисшую над стоянкой.

– Ниоба в состоянии есть сама! – резко бросила я Игрру.

– Она раненая! – возразил он. – Я врач и обязан заботиться. Ты же сама велела!

Я ощутила, как от взглядов, устремленных на меня, задымилась кожа. «Бунт! – подумала. – Турма восстанет. Сначала проспала сарм, теперь передала Игрра сестре. И зачем мы наткнулись на пришлых?»

– Отойдем! – сказала я Игрру.

Он встал и пошел следом.

– Прекрати! – потребовала я, когда мы отделились.

– Почему?

Он сделал невинное лицо.

– Девочки передерутся. Ниоба – моя родственница. Наши матери – сестры. Все подумают, что я тебя ей отдала.

– А не надо было! – усмехнулся он.

– Игрр! – я прижала руки к груди. – Прошу!

– Мы снова спим вместе?

– Нет! – отрезала я.

– Тогда и я говорю: «Нет!»

– Ты не понимаешь! – взмолилась я. – Мне этого не простят. В турме тридцать воинов, и каждая тебя хочет.

– А я не приз, чтобы ходить по рукам! – хмыкнул он.

– Неужели ты этого не желаешь? – удивилась я. – Такие красивые девочки!

– Только с тобой! – отрезал он. – Как? Договорились?

Я покачала головой и вернулась к костру. Там, присев, быстро перекусила. Игрр явился следом. К счастью Ниоба успела позавтракать, поэтому кормление не повторилось. Игорь поел сам, после чего, взяв Ниобу на руки, отнес ее в повозку. Там, видимо, попросил Ольга уступить место, потому что большой пришлый встал и перебрался к мальчикам.

Когда конвой двинулся, все могли наблюдать: Игрр и Ниоба лежат, обнявшись. При этом мило беседуют. С седла видно далеко. Я почувствовала, как почва уходит из-под ног. Подозвав декурионов, я отъехала с ними в сторону.

– Это он нарочно! – объяснила нахмуренным девочкам. – Притворяется.

– Почему? – спросила Лола.

– Вчера я не пустила его к себе.

– А он хотел этого?

– Он и сейчас хочет! – вздохнула я.

– А ты?

– Ты знаешь ту, которая откажется? – разозлилась я.

– Нет! – согласилась Лола. – Но раз так, забирай!

– Что? – удивилась я.

– Ты могла взять его сразу! – пожала плечами Лола. – Никто бы не пикнул – ты старший декурион. Но ты поступила честно, и все это видели. Девочкам мы объясним.

– Спасибо! – поблагодарила я.

– Не стоит! – улыбнулась Лола. – Ты водишь турму три года, и у нас нет потерь. Ты треспарта, но не заносишься, как другие. Игрр не случайно выбрал тебя. Пусть он лучше будет с тобой, чем девочки примутся его делить.

– Остальные пришлые должны с нами спать! – вмешалась Калисса. – До Ромы нужно успеть всем!

– Не получится! – прикинула я. – Если, конечно, не в каждую ночь.

– Пусть будет по правилам! – возразила Лола. – Не то обозлим их, и они откажутся. Сделаем лучше – свернем на объездную дорогу.

– Как объясним это в РOME?

– Нападения сарм мало? – усмехнулась Лола. – Что может быть важнее жизни пришлых? Объездной путь дольше, но безопаснее. Если доставим мужчин в сохранности, не упрекнут.

– Пожалуй! – согласилась я.

Вернувшись к повозке, я кивнула Игрру:

– Надо поговорить!

Он оставил Ниобу и забрался в седло.

– Я согласна! – сказала я, когда мы отъехали. Он заулыбался. – При одном условии, – добавила я жестко. – Твои друзья будут спать с девочками!

– Так они не отказывались! – пожал он плечами.

– Ты не понял. Со всеми, по очереди и через ночь.

– Почему «через»?

– Так нужно!

Он внимательно посмотрел на меня.

– Это как-то связано с нашими контрактами?

- Да! – призналась я. Чего уж теперь?
- Мы можем и сверхурочно, – улыбнулся он. – Не мешки носить.
- Как знаешь! – не стала я возражать. Если он сам предлагает...

Игорь ускакал к пришлым, а я вернулась к Лоле с Калиссой. Услышав о предложении Игрра, те заулыбались.

- Как будем делить? – спросила я.

– У нас три декурии и трое пришлых, – пожала плечами Кларисса. – Проще простого. Степа я забираю себе, Лола возьмет Алекса, а Ольг остается твоим девочкам. Дальше – по жребии.

«В котором вы тоже участвуете! – подумала я. – Потому и выбрали своих мальчиков. Ладно, не мое дело...»

- С одним условием. Тем, у кого Дни, без очереди!
- Декурионы, не сговариваясь, кивнули. Дни – это святое...

* * *

Игорь, вернувшись, сообщил о разговоре спутникам.

– Что за фигня? – спросил Олег. – Ничего не понимаю! Нет, я не против, конечно, девочки они хорошие, но почему со всеми?

– Потому что редкая возможность. Ты что, не видишь? С тех пор, как мы здесь, вокруг ни одного мужчины. Девчонки над нами трясутся. Вита чуть не убила меня за то, что полезли к сармам. Думаю, пострадай мы, ей бы не поздоровилось. Словом, мужики у них в дефиците. Они хотят этим воспользоваться.

- А если забеременеют? – спросил Леша. – Алименты не заставят платить?

– Ой! – Олег всплеснул руками и повалился на мешки. – Ой, не могу! Алименты... Они же про такое не знают. Первобытные люди!

- Античные, – поправил Игорь.

– Какая, на хрен, разница! – не согласился Олег. – Теперь все ясно. Поможем нуждающимся? – он подмигнул братьям.

Те покраснели.

- А ты? – спросил Олег Игоря.

– Не участвую.

- Запал на Виту?

Игорь кивнул.

– Она симпатичная! – согласился Олег. – Особенно после того, как ты ей глаз починил. А с той малой ты специально выделялся? Виту хотел позлить?

- Ага! – кивнул Игорь. – Спать со мной отказывалась. Пихала к другим.

– Правильно сделал! – одобрил Игорь. – С ними так и надо – на ревность бить. Только осторожно. Еще зарежет!

- Не посмеет.

– Кто знает? – не согласился Олег. – Была у меня одна. С ножом кидалась, когда с другой видела. А потом пристала: женись! Как жениться, если ей сорок, а мне двадцать пять? Ее дочке шестнадцать!

- Зачем такую выбрал? – удивился Игорь.

– Кому я нужен без денег? – вздохнул Олег. – Бабы – они богатых любят. А эта сама подлезла. Я же не знал, что она психованная.

- Сбежал? – спросил Игорь.

Олег кивнул.

– Потихоньку. Сказал, что к ребятам в гараж иду. Она что-то почуяла, проводила. Только сумка моя была уже там – с утра занес. Ребята припрятали. Она увидела, что в гараже мужики, а баб не имеется, и слиняла. Я за сумку – и на вокзал! Как думаешь, с Аурелией мне разрешат?

– После остальных! – сказал Игорь.

– Тогда выбирать не буду! – заявил Олег. – Пусть сами решают! Ох, и оттянемся! – он ухмыльнулся. – Так, пацаны?

Братья кивнули и снова покраснели.

– Договорились! – сказал Игорь и поспешил к Виталии. Та заулыбалась, и новость вмиг облетела турму. «Кошки» повеселели и с гиканьем стали носиться вокруг повозок. При этом они скалились. Одна Ниоба грустила. Но это никого не интересовало.

Виталия, «дикая кошка». Прирученная

Вечером Игорь пек блины. Тесто он приготовил заранее. На стоянке сунул бронзовые сковородки на угли, выждал, пока те прогреются, и смазал каждую салом. Над лагерем поплыл дух жареного. Игорь плеснул в сковородки по ложке теста, разровнял и стал ждать. Сбившиеся вокруг девочки смотрели во все глаза. Выждав, Игорь ножом перевернул блины, подождал, пока пропекутся снизу, затем сбросил в миску. После чего оторвал от одного блина кусочек и бросил в рот.

– Как? – не утерпела я.

– Не получились! – вздохнул он. – Вкус не тот. Мука грубого помола, закваска вместо дрожжей, молока нет...

– Дай! – попросила я.

Он оторвал кусочек мне. Я прожевала. Замечательно! Что ему не нравится? Вкусная лепешка! Горячая, свежая и нежная. Я не замедлила это сказать.

– Да? – удивился он. – Ну, если понравилось...

Дальше он работал, не разгибаясь. Мазал сковородки куском сала, плескал в них тесто, ровнял, переворачивал... Готовые лепешки летели в миску. Как только их набиралась стопка, миску немедленно уносили. Когда тесто кончилось, он разогнулся и с удивлением глянул на пустую миску.

– Не осталось! – виновато сказала я. – Прости! Не усмотрела.

– Я каши поем! – успокоил он. – Она-то хоть есть?

– Сколько угодно! – засмеялась я. – Все лепешки хватали. Я сама съела три. Вкусно!

– Буду кормить вас блинами! – пообещал он. – Каждый день! К концу пути располнеете и на лошадь не влезете!

Я засмеялась. Что-что, а полнота «кошкам» не грозит. На мгновение прильнув к его плечу, я вскочила и побежала за кашей. Посты в тот вечер я проверила наспех. С трудом сдерживаясь, неспешно подошла в палатке и нырнула внутрь. Игрр ожидал меня. Нет, я не буду об этом рассказывать!..

Наутро Игрр проведаль Ниобу. Сняв повязку, осмотрел раны, покосился на меня, а затем принялся ощупывать ее всю – с головы до пальчиков ног. Ниобе это, конечно, понравилось. Мерзавка охотно подставляла тело рукам Игрра, а тот вдруг стащил с нее штаны, после чего стал трогать и рассматривать то, что «кошки» под ними прячут. Меня затрясло. Это зачем? Стрела угодила Ниобе в плечо, а не между ног! Это я и высказала Игрру, когда отошли.

– Я медикус, – сказал он. – Мне интересно, чем вы отличаетесь от наших женщин.

– И чем?

– Чтобы точнее узнать, нужно осмотреть других.

– Только попробуй! – прошипела я.

– Ревнуешь? – улыбнулся он.

Я? Ревную? Да что он себе возомнил! Я гордо подняла голову и пошла к лошади. Турма выстраивалась в колонну, следовало присмотреть.

Едва мы тронулись, как Игрр подъехал ко мне. Я приняла независимый вид. Пусть только заикнется об осмотре!

– Почему раны Ниобы заживают так быстро? – спросил он. – У нее нет воспаления и жара. У тебя после операции – тоже. Это особенность вашего организма?

От неожиданности я не нашлась, что сказать. Достала из сумки мешочек и протянула ему.

– Что это?

– Горный воск. Его находят сармы. Это трофей. Если пожевать кусочек, раны не воспаляются и быстро заживут.

Он взял воск, лизнул, после чего, откусив чуточку, пожевал.

– Никогда не слышал о таком лекарстве, – сказал, возвращая мешочек.

– Оно очень редкое и дорогое. Нам повезло, что воск обнаружился у сарм. В РOME он стоит больших денег.

«Которых у «кошек» нет», – мысленно добавила я.

– Сколько Ниобе лет? – спросил он.

«Зачем это ему?» – насторожилась я.

– Она взрослая.

– А ты?

Я возмущенно засопела. Он что, издевается?

– Не сердись! – улыбнулся он. – У моем мире врач первым делом спрашивает возраст пациента. Вы на моем попечении, поэтому хотел знать. Это секрет?

– Ниобе – пятнадцать, мне – двадцать.

Лицо его выразило удивление. Дальше расспрашивать он, к счастью, не стал.

На дневке Игрр снова гладил мне спину. Вспомнив о предыдущем сеансе, я велела отогнать повозку от лагеря и не приближаться. Не зря. Волна блаженства затопила меня, но я успела вцепиться зубами в мешок. Поэтому мычала вместо того, чтоб кричать. А он все мял и гладил... Когда, наконец, я пришла в себя, то заметила, что Игрр с любопытством меня разглядывает.

– Очень необычная реакция, – пояснил, протягивая тунику. – Наши женщины тоже любят массаж, но им лишь приятно. А чтоб так... Интересно: это у всех? Хорошо бы проверить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.